

Мария Брикер Фонарь Диогена

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164204
Фонарь Диогена: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26895-5*

Аннотация

Он органически не переносит желтый цвет, терпеть не может, когда женщины пользуются парфюмом и откровенно с ним заигрывают. Он обожает чопорных горничных-англичанок, автомобили «Бентли», блондинок и овсяную кашу. Не так уж много заскоков у старика миллиардера, владельца крупнейшей европейской компании, с которым молодой бизнесмен Никита Верховцев мечтает заключить соглашение о сотрудничестве. Проблема в одном: окончательное решение старичок принимает только после ужина в семейном кругу. Никита предусмотрел все: меню, обстановку... даже горничную передел в англичанку! Не учел только исчезновения своей любимой жены прямо накануне ужина...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Брикер Мария Фонарь Диогена

От автора:

Настоящая история является вымыслом от начала до конца.

Сходство персонажей с реальными людьми случайно, как и возможное совпадение фамилий и имен героев.

Что такое любовь? Это – зубная боль в сердце.

Г.Гейне

Пролог

Он встал на колени, приподнял девушку за плечи и со всей силой встряхнул: голова ее запрокинулась, рот приоткрылся, обнажив белоснежные зубы. Из уголка ее глаза выкатилась слеза, побежала к виску и исчезла в мокрых светлых волосах.

– Не плачь! – закричал он, опустил ее обратно на пологий влажный камень, схватил за запястье, прислушиваясь к пульсу, – разозлился, отбросил руку и с размаху ударил девушку по щеке, потом еще раз и еще раз. Он бил и никак не мог остановиться: голова ее от ударов моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы, один глаз закрылся, другой, словно подглядывал за ним, смотрел с упреком – он снова пощупал пульс. – Прости, прости... Все. Все. Все! – зашептал он, тяжело дыша, уложил ее голову ровно, заметил на своей ладони кровь, в панике вытер руку о мох и глубоко вдохнул несколько раз, чтобы избавиться от приторного ощущения дурноты. Отпустило, лишь пальцы рук все еще неприятно немели и не слушались. Он растер ладони, помассировал пальцы, закрыл девушке глаза, смахнул прилипшие прядки волос с ее лица, аккуратно уложил ее руки вдоль тела, сел рядом и долго смотрел на луну, пока она не утонула в темной зелени сосен на противоположном скалистом берегу озера.

Оставлять девушку одну ему не хотелось, но встало солнце, разлилось по озеру кровавыми кляксами, окрасило пурпуром валуны и скалы, поманило его к себе. Он склонился над девушкой, поцеловал в холодные губы, поднялся, спустился к кромке воды и пошел солнцу навстречу, чтобы ослепнуть и навсегда погрузиться в темноту.

Глава 1

Меню для миллиардера

– Есть в старом парке темный пруд! Там лилии цветут! – пел Никита Андреевич Верховцев, строя рожи своему отражению в антикварной серебряной вазе на столе.

Собирать старинные вазы было его страстью, но супруга Лиля обожала совать в бесценные раритеты всякую дрянь, например цветы лилейника. Розовые и оранжевые букеты стояли практически во всех комнатах, дом пропах лилейником. Никите даже стало казаться, что он сам провонял цветочным запахом насквозь. Верховцева это раздражало, но замечаний жене он не делал: себе дороже с ней связываться, характер у жены был не сахарный, поэтому он просто с нетерпением ожидал, когда лилейник в саду отцветет.

Отражение в вазе поморщилось, почесало нос, сменило мину с недовольной на умиrotворенную.

– Все люди как люди, а я красив, как статуя Давида, – иронично заключил Никита Андреевич и провел рукой по темно-русому ежику волос.

Молодец стилист! Верховцев уже месяц как кардинально поменял имидж, но каждый раз поражался, разглядывая себя, нового, в зеркале: короткие волосы, гладковыбритые щеки, легкий загар, стильный костюм... Удачно, очень удачно все получилось. Деловой партнер, итальянец, старый пердун, ради которого, собственно, и произошло это преобразование, был консервативен, как православная церковь. Поэтому Верховцев, поддавшись на уговоры лучшего друга и советчика Илюши Шахновского, решился на подобную авантюру. Выхода не было – желанная миллионная сделка из-за любого пустяка могла сорваться. Судя по досье, будущий иностранный партнер являлся не просто образцом консерватизма, но вдобавок имел еще и репутацию сноба и капризного самодура. К тому же наемни Никите Андреевичу тридцать девять лет стукнуло, не мальчик уже – шляться в рваных джинсах, косухе и с косичкой на голове, как образно выражалась жена Лиля, дергая его за волосы, собранные в хвост. Результат работы стилиста превзошел все ожидания, Верховцев остался доволен донельзя. Одно огорчало: супруге прошлый имидж Никиты нравился больше, в особенности когда он усаживался на свой любимый «Харлей Дэвидсон». Были времена, когда Верховцев выезжал на своем железном коне практически каждую ночь, регулярно. На байк Лилечка и попала, как рыбка на крючок с аппетитной наживкой, а затем он добил ее окончательно золотым «Порше» и «казаками» из кожи аллигатора. Никита всегда знал, как произвести на девушку впечатление.

Они познакомились на Воробьевых горах. Ночь пропахла марихуаной и пивом. Палатки фаст-фуда и фонари пачкали электрическими бликами асфальт. Из ближайшего ресторана неслась тошнотворная попсовая музыка. Першило в горле от сумасшедшей гонки по пыльным улицам Москвы и недавно выкуренного косяка. Хотелось спать.

Она подъехала на байке с дикими розовыми чехлами из крашеной австралийской овцы на сиденье и бензобаке, в розовом облегающем кожаном комбинезоне и «казаках» цвета «пинк», даже шлем у нее был розовый, – и спать Верховцеву резко расхотелось. Никита с удивлением вытаращился на конфетно-гламурную новенькую, не стошнило его только потому, что из-под шлема вырывалась темная грива блестящих вьющихся волос. Когда девушка сняла шлем и он утонул в синеве ее глаз, то понял, что пропал. А она увязла в его болотных очах и тоже пропала – так Верховцеву, во всяком случае, показалось. Увязла, но вида не подала и принялась целоваться с псевдобайкером Сашей, смазливый мажорчиком, неспособным развить скорость больше ста километров в час. С ним Лилечка, собственно, и прикатила. Именно Саша, как выяснилось позже, подарил ей эти блевотные чехлы и розовый

шлем для байка. Довольно щедрый подарок, если учесть, что сам мотоцикл принадлежал его сестре и Саша одолжил Лиле машину на время. Сестра пребывала на отдыхе в Ницце, к байку была равнодушна, но из-за вредности натуры сидела на нем, как собака на сене, – Саша просто воспользовался ее отсутствием. Нормальная ситуация, но зачем же чехлы дарить, зная наперед, что Лиле, которая вовсе не принадлежала к кругу золотой молодежи, подрабатывала иногда, без особой одержимости, съемками в рекламе, училась в институте, жила с матерью в хрущевке и не имела возможности обзавестись дорогим средством передвижения на двух колесах, они без надобности окажутся, как только байк вернется к законной владелице? Придурак, в общем, этот Саша. Верховцева и по сей день идиотский подарок бывшего бойфренда жены бесил, а Лиля, напротив, всегда хохотала, вспоминая о дивном презенте. В общем, решил Сашенька в тот вечер понтануться, свою крутизну даме сердца показать и заодно утереть всем носы, дескать, вот какая у него офигительная телка в наличии имеется! Дурак. Возможно, где-то на модном курорте или в пафосном клубе Саша производил впечатление, но в окружении хмурых серьезных ребят, смыслом жизни которых были ветер и скорость, смотрелся он доходягой и сопляком – не помогла даже навороченная «Хонда» и родная кожанка от «Дайнеза».

Никита не имел привычки отбивать чужих женщин, но, взглянув в тот вечер Лиле в глаза, понял, что имеет полное право отодвинуть мальчонку в сторону. Он легко убрал его с дороги. Пришлось, правда, впоследствии чинить ребра и вправлять челюсть – вонючее сыкло был неспособен вести мужской разговор один на один, приехал на разборки в компании таких же, как и он, прощелыг. Был бы Саша один, Верховцев от него мокрое место оставил бы, а так только зубы ему проредил, так что теперь бывший бойфренд Лили носит во рту дорогую металлокерамику и на тусовках обходит Верховцева за километр. Друзьям Саши тоже не поздоровилось, кое-кому пришлось после беседы лечить печень, зашивать лицо и чинить нос – пять лет занятий боксом сослужили Никите хорошую службу. Через несколько месяцев синеглазая красавица Лиля, девятнадцатилетняя студентка третьего курса педагогического института, стала женой тридцатидвухлетнего бизнесмена Никиты Андреевича Верховцева.

Увлечение байкерством давно осталось в прошлом. Он никогда и не пропагандировал подобный образ жизни, просто стресс снимал после напряженного рабочего дня в офисе. Собственный бизнес выматывал, нужна была разрядка. Так и болтался – то в спортклуб, грушу «потрясти» и пар выпустить, то на байке носился, чтобы хлебнуть свежего воздуха и адреналин в кровь закачать. Но стремительно развивающийся бизнес отнимал все больше сил и времени, и «Харлей Дэвидсон» все реже выезжал из гаража. Спортзал с любимой грушей сменился теннисным кортом, гольфовыми полями и бильярдными залами, где за игрой по ходу дела решались бизнес-вопросы. Лиля тоже недолго «болела» ездой на мотоцикле: когда Верховцев пересадил жену на «Порше», интерес ее к данному виду спорта тут же угас, и Лиля с азартом принялась ловить адреналин, гоняя по Москве в более комфортных условиях, а не как «полуфабрикат». И в целом страсть к экстриму будоражила ее молодую кровь недолго. Были попытки заняться альпинизмом, был этап обучения вождению самолета; спуск на байдарках по горной реке, поход с тургруппой в тайгу, но Лиля быстро ко всему подобному остывала. Беременность отрезвила ее и вовсе, жена присмирела. К сожалению, ребенка сохранить не удалось. Жена решила, что виноваты врачи, которые не учли возможных рисков, переключилась на нетрадиционную медицину и теперь активно посещала бабок и прочих знахарок. Верховцев не вмешивался, молча терпел очередной заскок жены. Одно радовало, что «добрая» ведунья, которая наплела Лиле, что лилейник – это ее оберег и нужно всегда держать его при себе, чтобы роды состоялись, не порекомендовала жене лилии, иначе он нашел бы эту знахарку и лично придушил. Запах лилий ассоцииро-

вался у Верховцева с дорогим общественным туалетом, а свой дом Никита Андреевич превращать в заведение такого рода отнюдь не желал.

По начищенному до блеска паркету прошлепал дворецкий в ливрее и лаковых штиблетах.

– Ваша овсянка, сэр! – протянул он, поставил перед Верховцевым тарелку с кашей и поклонился.

– Как идиот выглядишь, – поморщился Никита Андреевич и резко отодвинул тарелку от себя.

– А по-моему, я выгляжу восхитительно, – гоготнул дворецкий, присел рядом за длинный стол, стянул белые перчатки, бросил их на скатерть.

– Да уж, Илюша, – усмехнулся Верховцев. – Ты свою восхитительную рожу видел? У тебя же на физиономии нарисована классовая ненависть ко всем капиталистам, вместе взятым. Я тебя прошу, смени выражение лица с пролетарского на услужливо-интеллигентное. Иначе все дело завалишь.

– Это у меня-то пролетарское лицо? – возмутился дворецкий. – А в глаз не хотите, голубчик Никита Андреевич, получить? Забыли, милейший, кем был мой прадед? Он же был в натуре аристократ!

– Знаю, Шахновский, знаю. Твоя разлюбезная бабушка мне весь мозг в свое время пропарила, рассказывая историю твоего происхождения. И я в курсе, что прадед твой был купцом первой гильдии и имел в Чернигове ателье и магазин готового платья. Это его ты аристократом называешь? Или своего деда, который бежал из Чернигова в Москву с любимой женщиной, нищей институткой, не пожелав исполнить волю отца и жениться на дочери бакалейщика? С какого это перепугу твои предки вдруг аристократами стали? Может, я просто не в курсе? Твоя милейшая бабушка в молодости с кем-то согрешила?

– Не оскверняй святыню! – пафосно заявил Шахновский, тряхнув длинными смоляными кудрями и поправив съехавшие с носа очки. – Моя бабушка хранила верность деду до гробовой доски. Жаль, что дочка пошла не в нее. Прикинь, моя драгоценная маман снова выскочила замуж.

– Опять? В третий раз? – вскинул брови Верховцев.

– В четвертый, – печально уточнил Шахновский. Верховцев сочувственно посмотрел на друга детства и вздохнул.

Мать Шахновского, Софья Павловна, женщина необыкновенной красоты и изящества, талантливая и довольно известная в узких кругах художница, несмотря на строгое традиционное воспитание, не отличалась постоянством, но причина смены партнеров была далеко не в ее ветрености, а в самой сущности ее творческой, чувственной натуры. Софья Павловна не могла не любить, без любви она чахла и засыхала, как цветок без воды. Мужчины вдохновляли ее и окрыляли. В каждый новый роман она бросалась, как в омут, с головой, каждого нового мужчину она искренне любила и отдавалась страсти без остатка. Когда ресурс ее чувств иссякал, Софья Павловна воспалялась вновь, но уже по отношению к новому объекту. Как это ни парадоксально, но «бывшие» оставались навсегда преданы матери Ильи и продолжали ее опекать и боготворить совершенно безвозмездно, даже после разрыва близких с нею отношений. Нужды Софья Павловна никогда не знала, выглядела безупречно и немного стеснялась повзрослевшего сына, который напоминал ей о возрасте. К слову, разница в возрасте у сына с матерью была невелика, так как впервые Софья Павловна, тогда еще Сонечка, воспалилась в возрасте шестнадцати с половиной лет. Пожалуй, это был единственный случай, когда Сонечкину жертвенную любовь не оценили по достоинству. «Ромео» исчез с горизонта сразу, как только узнал, в каком положении оказалась его юная пассия.

Бабуля Шахновского, выслушав сбивчивый Сонечкин рассказ о несчастной любви и предательстве, прерываемый слезами и тесным общением с унитазом, махнула рюмку

валерьянки и приняла волевое решение: плод греховной любви оставить на белом свете, а Сонечку быстренько выдать замуж за приличного человека. Кандидат в мужа нашелся сразу: сын друзей семьи, подающий надежды конструктор одного закрытого НИИ. В Сонечку он давно и безнадежно был влюблен и на брак согласился мгновенно, не смутило его даже то обстоятельство, что невеста уже пребывает в интересном положении. Осталось правильно расставить акценты и обрисовать радужные перспективы этого брака родителям жениха. Бабуля справилась с задачей мастерски, подкрепив сделку обещанием разменять свое четырехкомнатное родовое гнездо в центре столицы на два гнезда поменьше и подарить молодым на свадьбу двухкомнатную квартиру. Родители конструктора упорствовать не стали и сынулю благословили, к тому же мать жениха, женщина здравомыслящая и практичная, прекрасно отдавала себе отчет, что другая возможность пристроить свое чадо вряд ли когда-либо ей представится. Аркаша Шахновский, так звали жениха, красотой не блистал: это был нескладный молчаливый юноша двадцати семи лет с большим носом, заметной сутулостью и неизлечимым комплексом неполноценности. «Зато образованный и интеллигентный! Вы станете отличной парой», – рявкнула Сонечкина мама на робкое возражение дочери.

Юная невеста рыдала в подушку ровно неделю, но спорить с родительницей не посмела: в ее положении выбирать не приходилось. Обмен провернули мгновенно, и, заручившись в местном райисполкоме бумагой, разрешающей брак «в исключительных случаях», молодые поспешно расписались. Как это ни парадоксально, но семейная жизнь с тихим интеллигентным Аркадием оказалась вовсе не такой ужасной, как представляла себе Сонечка, шагая в загс, словно на эшафот. Шахновский затопил супругу своей нежностью, предугадывая каждое ее желание, помогал по дому, всячески заботился о ней, опекал, называл ангелом и своей путеводной звездой: сразу после брака карьера молодого конструктора резко пошла в гору. Возможно, молодая красавица-жена вдохнула в него уверенность в своих силах, возможно, это было просто стечением обстоятельств, но Сонечке было приятно, что Аркадий считает именно ее виновницей своих успехов. Некрасивость Шахновского быстро перестала Сонечку смущать, она привязалась к мужу душой, прониклась ролью жены и с азартом принялась обустривать семейное гнездо.

Вскоре на свет появился Илюша. Рождение малыша – это испытание на прочность многих семей, и молодая чета Шахновских экзамен не прошла. Аркадий был хорошим отцом, относился к сыну как к родному, менял ему пеленки, стирал подгузники, вставал по ночам, по утрам носился на молочную кухню, но Сонечка плохо справлялась с ролью матери. Она то устраивала истерики, то впадала в меланхолию, ходила по дому некой тенью в халате, непричесанная, бледная, и причитала, что жизнь ее кончена, твердила о своем одиночестве. Обычная послеродовая депрессия, о которой в то время никто понятия не имел. Аркадий тихо бесился, жена начала его раздражать, ему казалось, что Соня не уделяет должного внимания малышу, он возмущался, что она мало целует и ласкает его, недостаточно долго с ним разговаривает, не берет к себе в постель ночью, когда малыш просыпается, – ведь именно в этом, по его мнению, и заключается материнская любовь. Раздражало мужа и то, что Сонечка стремилась при любом удобном случае улизнуть из дома, а потом с радостью рассказывала ему о своих посиделках с подругами, о походе в кино или в магазин.

Карьера Аркадия продолжала набирать обороты, работа отнимала у него массу сил, накапливалась усталость, запаса его нежности хватало теперь только на сына. Сонечка терпеливо сносила упреки мужа, чувствуя свою вину, но общее равнодушие и вялость пережить не смогла: взяла в охапку ребенка и сбежала к матери, в душе лелея надежду, что Аркадий, ощутив свою потерю, осознает ошибки и падет на колени, умоляя ее о прощении. Шахновский действительно явился за ней в тот же вечер и попытался беглянку вернуть, но вел себя совсем не так, как воображала Сонечка. Аркадий с порога заявил, что она поступила эгоистично и легкомысленно, и принялся напирать на то, что ребенку нужен отец, поэтому она

обязана выкинуть дурь из головы, собрать чемодан и идти домой. Это окончательно разрушило их брак. Упреки мужа неожиданно возымели обратный эффект: если, убегая из дома, Сонечка мучилась угрызениями совести, то после общения с Шахновским от ее чувства вины не осталось и следа. Сонечка испытала облегчение и выставила мужа за дверь – даже ради малыша она не готова была жить с человеком, который не способен видеть в ней женщину!

Много лет спустя Шахновский признался, что всю жизнь жалел о том, что не сказал в тот вечер, как сильно он ее любит. Сдержался – именно потому, что смертельно боялся прослыть в глазах жены слабаком и потерять ее, решил пойти другим путем и вернуть Сонечку, вызывая к ее материнскому чувству долга.

Развелись они мирно, на квартиру Аркадий претендовать не стал, от ребенка не отказался, регулярно с сыном общался, принимал участие в его воспитании и исправно выплачивал алименты. Сонечка не возражала, тем более что ей самой воспитанием сына заниматься было недосуг. Она быстро окрепла и расцвела под маминым крылышком и с головой ушла в творчество. Сонечка с детства занималась живописью и мечтала стать знаменитой художницей. Все заботы об Илье взяла на себя бабушка, а дочь отпустила «на волю», чтобы та смогла наладить личную жизнь и реализовать свой талант, ибо бабуля верила, что Соню ждет большое будущее. Сонечка перебралась на другую квартиру, где прежде они жили с Аркадием, сына навещала лишь изредка. Ильи не обижался, на Софью Павловну сердиться было невозможно – разве можно злиться всерьез на фею? Каждый ее приезд был волшебным праздником, чудом, сказкой – она умела удивлять, радовать, любить, согревать своим магическим телом и зачаровывать. Даже Верховцев в свое время не избежал ее чар. Будучи в возрасте пятнадцати лет, он впервые увидел эту обворожительную женщину, приехав погостить к Илье на дачу, и потерял голову от любви.

Предшествовала этому приглашению довольно странная история. В школу, где учился Никита Верховцев, Шахновский перешел в середине седьмого класса. Перевела Илью бабушка, устав прикладывать свинцовые примочки к лицу Илюши и заказывать для внука у окулиста новые очки. Но перевод не помог. Было нечто в худосочном очкарике-интеллигенте Шахновском такое, что вызывало раздражение у школьной шпаны и прочих хулиганов. В новой школе Илюшу продолжили бить с неменьшим азартом, и первым, кто разбил ему очередные очки, был как раз Никита Верховцев – главный двоечник, второгодник и, естественно, хулиган. Неизвестно, сколько еще пар очков разбили бы Шахновскому, если бы Илюша однажды не предложил Никите сделку. Близился конец седьмого класса, Верховцеву грозило исключение из школы – или вновь второй год. Шахновский пообещал, что поможет Никите с домашними заданиями и контрольными, а Верховцев в ответ перестанет его бить и замолвит за него словечко перед прочими обидчиками. Первая мысль, родившаяся в голове у Никиты, – Шахновского сровнять с землей, слишком жалким показалось ему предложение очкарика: трус, слюнтяй, проныра – такие вообще жить не должны, но он почему-то согласился. Через месяц с лица Ильи Шахновского исчезли синяки, а из дневника отъявленного двоечника Никиты Верховцева – плохие отметки. Самым странным в этой истории было то, что хитрый Илюша не сделал за своего «телохранителя» ни одного домашнего задания и не написал ни одной контрольной работы! Каким-то непостижимым образом Илья ненавязчиво подтянул Никиту по всем предметам и вдолбил в его мозги столько знаний, сколько не смог вбить в его вечно сопротивляющуюся голову ни один учитель за восемь лет учебы. Четверть Верховцев закончил без двоек, а тройки, выстроенные в его дневнике, были проставлены скорее по инерции – за его прошлые ошибки. Оценки за годовые контрольные, написанные, по мнению Шахновского, без единой ошибки, были намеренно занижены. Отметки за домашние задания, четверки и пятерки, в журнале не выставили, и они не пошли в счет

четвертных. Учителя как сговорились! Верховцев немного позлился, но все равно он был доволен результатами: из школы его не выгнали и в другой класс перевели.

Илья же, напротив, дико расстроился и даже спал с лица. Верховцев принялся его утешать, но Шахновский, вдруг стряхнув с себя печаль и схватив дневник Никиты, потащился с ним к директору школы и заявил ему о дискриминации и о травле преподавателями ученика Верховцева. Директор пришел в ярость. Пригрозил Илье исключением из школы и комсомола за наглую клевету, товарищеским судом и строгим выговором, но Шахновский оставался невозмутимым и настаивал на пересмотре оценок Никиты на объективные. Верховцев тем временем, сидя под дверью кабинета директора и с ужасом ожидая развязки, краснел, бледнел, потел и мысленно намыливал веревку, мечтая Илюшу придушить, а затем удавиться самому. Никак не ожидал он от трусливого очкарика подобной идиотской выходки и, главное, ни о чем таком его не просил! В то же время Никита с удивлением отметил, что впервые он чувствует уважение к Илье: сам бы он никогда не решился на подобный шаг. Не решился, потому что давно простился с иллюзиями и предвидел, что ничем хорошим подобная глупость не обернется. Закончилось все еще хуже, чем можно было себе представить. Директор, сволочь поганая, вдруг пошел на компромисс. Когда он его озвучил, у Никиты волосы зашевелились на макушке и захотелось придушить Шахновского еще сильнее. Директор елеинным голоском потребовал, чтобы Никита сдал по всем предметам экзамены в его присутствии! Это был первый нокаут. Условие дополнилось нокаутом номер два: если Верховцев получает оценку ниже той, что выставлена в таблице, то Шахновского исключают из комсомола за недостойное поведение. С подобной пометкой в личном деле о поступлении в институт Илье можно было даже не мечтать.

Шахновский вышел из кабинета директора на удивление спокойным и молча посмотрел Никите в глаза – взгляд его Верховцев помнил до сих пор. В нем не было вины, страха или просьбы о помощи, лишь твердая уверенность в собственной правоте и в их будущей победе. В душе у Никиты что-то перевернулось, и в сердце загорелся огонь революционного борца. Илья верил в него так, как не верила родная мать, – и он не может подвести друга! Раз уж так получилось, что они оказались связаны морским узлом, порвать который невозможно, то нужно развязать его любой ценой, даже приложив невероятные усилия. Усилия потребовались на самом деле колоссальные. Переэкзаменовка длилась весь июнь, и весь этот славный летний месяц они провели в комнате Ильи, обложившись учебниками и тетрадами. Учителя мучили Никиту, как фашисты – попавшего в плен партизана, но он стоял насмерть, отвечал на вопросы уверенно и без запинки, легко решал задачи и примеры, выдавал формулы и теоремы, называл исторические даты, повторял наизусть таблицу Менделеева, писал практически без ошибок диктанты и цитировал стихи. Шахновский оказался отличным педагогом, да и повторное обучение в седьмом классе тоже сыграло свою роль – Илья помог Никите воскресить в памяти все полученные им за два года знания.

Когда все закончилось, Илюша Шахновский впервые в жизни напугал бабушку, явившись домой в состоянии тяжелого алкогольного опьянения. Собственно, домой Шахновский не сам пришел: Никита его принес, ибо передвигаться самостоятельно сын славного народа был не в состоянии. Напился Илюша не с радости, а с горя. Несмотря на все мучения и отличные ответы Никиты, победить тупую неповоротливую машину совкового образования у них не получилось – все оценки в дневнике Верховцева остались прежними. Учителя не желали признать свои ошибки. Директор принял сторону педагогов, лишь одну поблажку сделал: довольный собой, снисходительно похлопал Шахновского по плечу и пообещал из комсомола его не исключать. Однако Илья милостыню от директора не принял и заявил бабушке, что собирается по собственному желанию выйти из рядов ВЛКСМ, потому что больше не верит в идеалы коммунизма и светлое будущее. Бабушка на подобный финт внучка отреагировала стойко: в обморок не упала, лишь побелела, как мел. Мировая бабушка была у Ильи,

она с самого начала знала, чем дело закончится, но внука поддерживала во всем. Поддерживала, хотя Верховцев чувствовал, что она побаивается их товарищества и особой симпатии к нему не испытывает. Слишком разными они были – интеллигент Илья и он, грубый нечесаный громила из бедной семьи, в поношенных штанах и стоптанных ботинках. Но в тот день, как ни странно, ее отношение к Никите вдруг резко изменилось, она приняла его и одобрила его дружбу с внуком. Никита впоследствии пытался анализировать этот факт и предположил, что, возможно, бабушка Шахновского почувствовала в Никите своего, потому что опасные заявления Ильи о его разочаровании в идеалах коммунизма были восприняты Верховцевым без всякого столбняка и проявлений первобытного страха, а с достойным пониманием сути вещей.

Никита помог бабушке Ильи привести внучка в чувство под холодным душем, уложил его в постель, и затем они вдвоем спокойно отправились пить чай с вишневым вареньем, словно ничего не случилось. Когда пришло время прощаться, бабушка Ильи пригласила Верховцева погостить на их даче – это была не ответная любезность с ее стороны, а выражение искренней признательности хулигану. Никита, поборов неловкость, согласился: дачи у него не было, париться в душевой Москве, обнищавшей летом на ровесников, не хотелось, и последним веским и довольно противоестественным для Никиты аргументом в пользу его согласия стало то, что Никита не мог оставить Шахновского одного: почувствовал какую-то непонятную ответственность за его судьбу. Морской узел, которым связал их директор школы, а может быть, и не директор вовсе, а сам Илюша Шахновский или что-то другое, необъяснимое, принятое называть словом «дружба», – порвать этот узел им так и не удалось.

То лето просто душило жарой. Солнце выпаривало канавки, сушило траву, розовые кусты и зачатые прохладной весной плоды ароматной антоновки и белого налива. На кустах потели ягоды красной смородины и крыжовника, осыпалась на землю спелая малина, горчили огурцы – от недостатка влаги. Спасение от зноя можно было найти лишь на уютной веранде и на пляже, рядом с озером, но юное сердце Никиты полыхало огнем даже в тени. Это был редкий случай, когда Софья Павловна целиком и полностью посвятила себя воспитанию сына. Она только что вернулась из Крыма, куда ездила на пленэр, загорелая, свежая, воздушная. В Крыму она оставила очередного поклонника, наслаждалась обретенной свободой и всю свою нежность отдавала сыну. Илья заботу матери воспринимал с раздражением, он впервые ощутил себя взрослым и боялся прослыть маменькиным сынком в глазах своего друга. Никита же тихо бесился: он все бы отдал лишь за легкое прикосновение руки этой необыкновенной женщины, а этот убогий очкарик выпендривается еще! От смерти Илью спасло лишь то смягчающее обстоятельство, что он являлся сыном богини. Сейчас Никите смешно было вспоминать ту сумасшедшую, стыдную даже любовь к взрослой женщине, но тогда... тогда он думал, что умрет, потому что надежды на взаимность у него не было.

– Слушай, Никит, – прервал поток его воспоминаний Шахновский, – а может, мне твоим садовником обрядиться?

– Ага, и ты будешь вертеться рядом с праздничным столом в робе, с садовыми ножницами и лопатой. Очень оригинально!

– У всех богатеньких свои причуды, – хохотнул Илья. – У твоего партнера, например, страсть к длинноногим блондинкам с большими сиськами, автомобилям «Бентли», чопорным горничным-англичанкам и овсяной каше.

– Тоже мне причуда! Назови мне хоть одного мужчину, который не любит длинноногих блондинок.

– Никита Верховцев! – торжественно провозгласил Илья.

– С чего это ты взял? – усмехнулся Никита.

– Методом «дюдюктивного» анализа вычислил. Жена у тебя брюнетка, горничная – шатенка, секретарша...

– У меня две секретарши, одна из них – блондинка, – опроверг версию Верховцев.
– Да, но твоя блондинка, извиняюсь, плоская, как селедка, и ноги у нее совсем не от ушей растут.

– Зато она умная и исполнительная, при чем тут вообще грудь и ноги? Для секретарши это не главное! – возмутился Никита, потеряв нить разговора.

– О чем и речь: если бы ты любил длинноногих блондинок...

– Ну все, хватит, сдаюсь, – поднял руки Верховцев, – равнодушен я к длинноногим блондинкам, но все равно, страсть к белобрысым цыпочкам не есть патология.

– Вот и не дергайся! Нормально все будет. У нас все козыри на руках. У твоих конкурентов, которым старикан дал от ворот поворот после званого семейного ужина, таких не было. Тот, кто предупрежден, – вооружен. Теперь мы знаем, что нельзя подавать на стол охлажденное красное вино. Впрочем, об этом всем культурным людям известно. Знаем, что наш итальянец органически не переносит желтый цвет. Терпеть не может, когда женщины пользуются парфюмом, пытаются с ним откровенно заигрывать и рассказывают пошлые анекдоты. Не выносит, когда за столом обсуждают деловые вопросы, ведут разговоры о политике и медицине...

– Профессор Преображенский, блин, – вставил свое слово Никита.

– Согласись, это еще не самое страшное, – усмехнулся Илья. – И последнее: старикан ненавидит фальшь и натянутость в семейных отношениях. Собственно, именно этим обусловлено его желание отобедать в кругу семьи своего будущего партнера. Короче, не парься, волноваться не о чем. Жена у тебя красавица и умница, жаль, что не блондинка, но зато высокая и с большими сиськами.

– Эй, полегче! – притворно возмутился Верховцев, но лицо стало довольным, как у кота, которого накормили сметаной.

Своей женой Никита Андреевич Верховцев гордился так же, как и бесценной антикварной вазой XIV века, и обожал слушать комплименты в адрес обеих. Жаль, что вазу продемонстрировать старикану-миллиардеру было нельзя – к несчастью, это произведение искусства украшал желтый орнамент. Но зато Лиля совершенно точно не оставит старика равнодушным, Илья прав. Ее пленительная красота не может его не заморозить и не очаровать. «Дикарка» – так ласково называл ее Верховцев в постели, и Лилечка откликалась на комплимент, вонзая коготки в его плечи и спину. Ее сочные губы пахли грейпфрутом и немного горчили на вкус, шелковистая кожа отдавала миндалем. Никита млеет: сладкое он с детства терпеть не мог. После секса Лиля, как кошка, вытянувшись на шелковых простынях, щурясь и мурлыкая, любила перебирать пальцами его волосы и прорисовывать прохладным пальчиком контуры его лица и губ. Ради этой радости можно было стерпеть все, даже вонючие охапки лилейника.

– Глашку стилист скоро обстругает под заправскую англичанку, остались последние штрихи, – снова встрял в ход его мыслей Шахновский. – Отличная тетка, раньше на «Мосфильме» работала гримером.

– А если старикан с Глафирой заговорит? – засомневался Верховцев.

– С какой радости закоренелый сноб станет с горничной беседовать? Хорошая горничная должна быть нема как рыба. Ну а если вдруг заговорит, то Глафира языком владеет в совершенстве. Она три курса иныза закончила. Странно, что ты об этом не знаешь.

– Странно, что об этом знаешь ты, – не остался в долгу Верховцев.

– Ну... работа у меня такая – все знать, – Илья немного смутился и тут же сменил тему: – Так вот, прононшейшн у нее, как у детей туманного Альбиона. Итальянец никакой разницы не учует – ферштейн?

– Ферштейн. Надо же – иныз! А ты не в курсе, почему Глашка в горничных прозябает в таком случае? Могла бы более достойную работенку себе подыскать.

– Ее и здесь неплохо кормят, – усмехнулся Илья. – Полный пансион со всеми удобствами: за квартиру платить не надо, жвачка на халяву, Лилька ее французской косметикой снабжает и бутиковые шмотки отдает. Работенка, опять же, не пыльная: по струнке перед хозяевами ходить, на стол накрывать и тряпкой махать, изображая рвение в работе, когда боссы дома. А когда никого нет, можно с любовным романом на диване поваляться и помечтать о принце на белом коне. Живи и радуйся, короче. Слушай, Никит, может, мне к тебе горничной устроиться?

– Обойдешься, у тебя руки из задницы растут, весь антиквариат мне угробишь. Твой единственный орган, работающий без сбоев, – мозг. Черт, ну почему старик окончательное решение принимает только после семейного ужина? Что за идиотизм?

– Объясняю еще раз для особо непонятливых. Он рьяно чтит семейные традиции и считает, что в домашней обстановке человек раскрывается наиболее полно, показывает все свои сильные и слабые стороны. В общем, успокойся, расслабься и веди себя естественно. Тебе не о чем волноваться – у тебя уютный дом, обворожительная жена и крепкая семья. А скоро будет чопорная горничная-англичанка. Тебе остается лишь подать на стол красное вино комнатной температуры. Старикан растает, вот увидишь.

– Как все просто, оказывается, – хмыкнул Никита.

– Проще не бывает. Учти только, что на ужин ни в коем случае нельзя подавать жвачку из ресторана. Старикан считает, что кормить гостя дома заказными блюдами – верх невоспитанности. С твоим главным конкурентом, по моим сведениям, звезданутый итальянец именно по этой причине разорвал отношения, посчитав, что хозяин его глубоко оскорбил, накормив общепитовскими блюдами. Дескать, если супруге будущего партнера лень было напрягаться и стоять ради него у плиты, то и он, в свою очередь, напрягаться не будет, и разговаривать им больше не о чем. А тот дурак думал размахом его удивить, хавку заказал в самом дорогом ресторане Москвы, шампанское, вино и коньяк – из Франции, сигары с Кубы. Устрицы свежие на льду, трюфеля и омары, черная и красная икра, севрюга, белуга, запеченные осетры, молочные поросята, паштет фуа-гра, кофе... Как его? Самый дорогой в мире, его еще куницы жрут, а потом непереваренные зерна выкакивают, а аборигены их из кашек вынимают, собирают, обжаривают... А, индонезийский «Kopi Luwak» называется это чудо. Вроде как после ферментации в кишечнике зверька кофе приобретает необычную вкусовую гамму. Полагаю, гамма действительно уникальная – натуральный кофе из натурального...

– Фу, Шахновский! – перекосялся Никита.

– Прости, сбился с темы. Но ты прикинь, в какую кашку мужик сам попал. Столько деньжищ втюхал в званый ужин – и пролетел со свистом. Я думаю, выпендриваться особо не надо, черной икрой, трюфелями и омарами миллиардера не удивишь. Он, полагаю, в свое время этими деликатесами до одури обожрался. На столе также не должно быть ничего жирного. Никаких жареных баранов, свиных рулек и прочих радостей простого самаритянина. Судя по тому, что итальяшка кашу овсяную любит, у него либо с желудком, либо с печенью проблемы. Значит, меню должно быть максимально легким, но непременно изысканным – снобы не выносят простоты.

– М-да... задачка... Что же ему приготовить? Не кашу же овсяную на ужин подавать?

– Я в этих вопросах, к сожалению, ничем тебе помочь не могу. Насчет меню ты лучше посоветуйся с Лилькой.

– Ага, с Лилькой, – нервно усмехнулся Верховцев, похолодев в душе.

Лилечка с кулинарией не особенно дружила. В самом начале их супружества в припадке любви она пыталась Никиту кормить. К счастью, увлечение ее поварским искусством длилось недолго, иначе Верховцев пал бы смертью храбрых от Лилечкиной стряпни. Каким-то немислимым образом жена ухитрялась превращать съедобные продукты в стрихнин. Он, опасаясь обидеть супругу, через силу глотал неудобоваримые пересоленные супы, жест-

кие, как подметка, стейки, сырые котлеты, недоваренные овощи и переваренные макароны. Лилечка даже тортики и пироги пыталась печь! К великой радости Верховцева, выпечка до стола так и не доехала: погибла в духовке. Тортик же ему отведать пришлось, вкусный тортик получился, щедро сдобренный жирным кремом и взбитыми сливками. Верховцев потом двое суток просидел на унитазе и питался исключительно активированным углем.

– А обязательно жена должна готовить? Как насчет нашей поварихи? Боюсь, если Лилька что-нибудь сварганит, старикан наш дом вперед ногами покинет, и сделка накроется медным тазом, – заметил Никита.

– Ты же говорил, что твоя Лиля готовит вкусно? – удивился Шахновский.

– Врал, – сознался Никита. – В нашем доме только один человек готовит, Зинаида Федоровна.

– Черт, – расстроился Илья, – значит, те божественные кулебяки пекла не твоя супруга?

– Нет, – уныло сказал Верховцев.

– Ладно, пусть Зинаида Федоровна готовит, а Лилька смотрит и на ус мотает, как и что делать нужно. Не дай бог, старикан рецепт какого-либо блюда спросит, а она в ответ начнет мычать что-нибудь нечленораздельное – тогда пиши пропало. Но ты меня удивил, Верховцев, никогда не думал, что ты такой наглый лгун! Я ж от зависти локти себе все пообкусал. Жена – красавица, умница и еще готовить вкусно умеет. Ну ни одного недостатка у девушки нет – само совершенство.

– Поэтому я и врал, – самодовольно заявил Никита, – чтобы ты от зависти усох.

– Ну, спасибо, – захохотал Илья. – Добрый ты, Верховцев! Я, можно сказать, до сих пор в холостяках из-за тебя прозябаю, на тебя ориентируюсь, пытаюсь такую же совершенную жену найти, а их, оказывается, в природе и не существует! Ладно, шучу я. Лиля твоя – прелесть, не беда, что она готовить не умеет. Уверен, с этим заданием она вполне справится. К тому же память у нее хорошая, в случае чего выучит рецепты наизусть – в запасе есть сутки, чтобы подготовиться. Все, погребу я до хаты. Я свою работу выполнил. Лилечке – привет. А насчет моего присутствия за столом, точнее, у стола я вот что решил. Давай проще поступим: скрытую камеру поставим, и я буду наблюдать за действием по компу из спальни – этого вполне достаточно, чтобы затем выводы сделать.

– Да, пожалуй, это лучший вариант. Золотая голова у тебя, Илюша, – серьезно сказал Верховцев. – Если бы не ты, то куковал бы я сейчас на зоне где-нибудь, а не компанией заправлял. Сделка выгорит – отпишу тебе долю в уставном капитале компании. Давно мечтаю тебя партнером сделать. Ты это по праву заслужил.

Шахновский неловко поправил очки и улыбнулся.

– Никита, мы же друзья, зачем все портить, – сказал он и вышел из столовой, оставив Верховцева в расстроенных чувствах.

Опять двадцать пять! Иной раз Шахновский его просто убивал своей идиотской принципиальностью. Всю жизнь Илья находился поблизости, давал Никите бесценные советы и никогда не требовал ничего взамен. Точнее, счета за свои услуги он Верховцеву выставял, но брал с него по самому низкому тарифу, каждый раз виновато отсчитываясь за каждую копейку и оправдываясь, что ему нужно кормить персонал. Верховцев бесился, ему всегда хотелось отблагодарить друга, но материальная благодарность не укладывалась в мировоззрение Шахновского и не вписывалась в смету расходов его фирмы.

Илья имел свой бизнес, владел небольшой конторой, которая именовалась консалтинговым агентством «Истина». В «Истине» занимались сбором конфиденциальной бизнес-информации, говоря проще – пасли нужного клиента и составляли на него полное досье. Заказчиками Шахновского были преимущественно бизнесмены и предприниматели. Они пользовались его услугами, если возникала необходимость проверить клиента или партнера «на вшивость». Помимо всего прочего, Шахновский, обладая прекрасными аналитическими

способностями, отличным знанием юриспруденции и психологии, довольно точно составлял психологические портреты и давал меткие советы, на какую «точку» клиента нажать, чтобы желанная сделка состоялась. Как спецу, Шахновскому не было цены, багаж знаний, которым обладал Илья, позволял ему легко ориентироваться в любой области бизнеса, включая аудит, финансы, маркетинг, пиар, ай-ти-технологии, паблик-релейшн, а наработанные связи со спецслужбами помогали ему добывать уникальные сведения, недоступные простым смертным. Никита несколько раз пытался уговорить Илью работать только на него, заманивал приятеля «топовой» зарплатой, соцпакетом, бонусами и дивидендами, но Шахновский каждый раз отказывался – он ценил независимость и считал, что партнерство сведет их дружбу на нет. Верховцев злился, но в глубине души был с Ильей согласен, Шахновскому он верил безоговорочно, а вот себе... Кто знает, как он поведет себя, если Илья окажется у него в прямом подчинении или станет его партнером? Руководителем Верховцев был авторитарным, применял метод кнута и пряника. Дисциплина в его компании царила жесткая. Система мотиваций была простой: не нравится – вали отсюда; впихиваешь, как папа Карло, – получишь достойный приз.

Шахновский, напротив, относился к управлению раздолбайски, в конторе его процветал пофигизм, гордо именуемый самим Ильей демократизмом. Сотрудники приходили в офис, когда им заблагорассудится, с утра до вечера пили халявный кофе, дулись в преферанс на компе, лазили в Интернет не по делу и совершенно не стеснялись своего шефа. Секретарши беременели сразу же после испытательного срока, и добрый Илюша содержал уже роту молодых матерей, выплачивая им пособия в полном объеме, еще и приплачивал, чтобы мамы ни в чем не нуждались. С сотрудниками Илья общался панибратски, раздавал беспроцентные кредиты и частенько делал для клиентов работу в долг. В общем, при всей своей гениальности Илья Шахновский имел материальный достаток чуть выше среднего, хотя при желании мог уже давно быть миллионером. Но Илью подобное положение вещей вполне устраивало: он нашел баланс, позволяющий ему удовлетворять свои не слишком высокие потребности и заниматься только тем, что ему нравилось, особо не напрягаясь.

Материальное положение Верховцева также позволяло ему сбавить темп, но амбиции манили бизнесмена все дальше. Дело было не в деньгах: каждый шаг вверх, каждый заработанный миллион был для него как допинг, каждая сделка – словно глоток свежего воздуха. В отличие от спокойного, как удав, Шахновского Никита был азартен и без адреналина буквально задыхался. Илья прекрасно знал характер друга, чувствовал, что ему необходимо для счастья, и поддерживал Никиту во всем. Оттого и будущую его грандиозную сделку вызвался курировать, и переживал за результат всей душой. Верховцев тоже нервничал: партнерство с итальянцем – соучредителем и президентом одной из крупнейших европейских дивелоперских компаний, получившей заказ на внедрение и продвижение в России сети гипермаркетов, – должно было вывести компанию Никиты на новый рынок и принести такие дивиденды, что прошлые его успехи в бизнесе меркли и казались детскими забавами.

Начинал Верховцев свой бизнес еще при совке, подрабатывая между сессиями шабашкой на стройках. В 80-е годы открыл кооператив по ремонту квартир, деньги вкладывал в расселение коммуналок, их ремонт и продажу. В период приватизации сумел выкупить одну из строительных контор и получить муниципальные подряды. Привлек инвесторов и занялся дивелоперской деятельностью, создав ряд деловых и торговых комплексов. Конкурс открывал ему необыкновенные перспективы. Ввязываясь в тендер за право называться партнером итальянской компании, Никита Андреевич предчувствовал, что выиграть будет очень сложно, но кто бы мог подумать, что итальянец устроит такой цирк? Из десятки финалистов, прошедших жесткий отбор по представленным ими бизнес-планам, отсеялось уже семь – по причинам, выходящим за пределы здравого смысла. Осталось трое претендентов, его компания в том числе. Но конкуренты были очень серьезные. Первый соперник – Федор Калистра-

тов, человек, выросший в бизнесмена из криминального авторитета, с подретушированным кровавым прошлым. Калистратов и сейчас не брезговал решать свои проблемы силовыми методами. В управлении другой конкурирующей компании стояла женщина с эротическим именем Анжелика и литературной фамилией Сологуб, стерва еще та, непредсказуемая, а поэтому очень опасная. Верховцев на всякий случай усилил охрану, чтобы его ненароком не вычеркнули из числа претендентов на главный приз самым радикальным способом. Старикан, правда, недвусмысленно намекнул на бизнес-встрече всех конкурирующих сторон, что криминальных разборок не потерпит и при подобном раскладе свою деятельность в России мгновенно свернет. Предупреждение решало проблему лишь отчасти: удерживало от необдуманных поступков заинтересованные стороны, но выбывшим из игры никоим образом руки не связывало – при желании более удачливому сопернику и отомстить могли впоследствии. По сведениям службы безопасности Никиты Андреевича, ничего крамольного против него не замышлялось, однако обстановка настолько накалилась, что у любого могли нервы сдать.

– Никита Андреевич! – в столовую с воплями влетело огненно-рыжее престарелое безобразие в круглых очках, одетое в кургузое коричневое платье и белоснежный передник. Верховцев вздрогнул, чуть не сбив тарелку с овсянкой со стола. Безобразия замерло напротив него, кукожа лицо, словно в предсмертной судороге.

– Мать честная, Глашка, это ты, что ль? – ошарашенно спросил Никита, с трудом опознав в рыжей старухе некогда миловидную девушку с длинной каштановой косой.

– Я, я, Никита Андреевич, – сорвала с носа очки горничная. – Это меня стилист так изуродовал, чтобы я на англичанку была похожа!

– Черт, напугала до смерти, – выдохнул Верховцев.

– Да я сама испугалась, когда себя в зеркале увидела. Глянула, так со стула рублем и свалилась – бряк! Волосы краской испортил, дерьмом каким-то физиономию намазал, и вся рожа сморщилась, как моченое яблоко. Падла такая! Ой, как рожу стянуло, помираю! – завывала горничная, ухватившись ладонями за щеки. – Верните мне прежний облик! Не хочу быть рыжей старухой! Не буду! Не желаю!

– Не хочу быть крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой, – процитировал Пушкина Никита Андреевич и рявкнул: – Так, заткнись, Глафира! Хватит выпендриваться. Стилист ей, видите ли, не угодил! Он вообще один из лучших стилистов в Москве! Иди работай! Помирает она! Не помрешь, если англичанкой побудешь немного. И запомни, плохо свою роль исполнишь – в зашей выгоню и с такими рекомендациями, что тебя больше ни в один приличный дом не возьмут.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, – проворчала Глаша. – Но смотрите, если ваш важный гость дуба даст на пороге от ужаса, потом не жалуйтесь, – язвительно предупредила горничная и удалилась.

– Вот стерва, – буркнул себе под нос Верховцев.

В чем-то она, конечно, была права, стилист явно перестарался, сотворив из горничной чудовище, но Глафиру на место поставить следовало. Если бы не Лиля, то Глашку он давно бы выгнал. На самом деле ее звали по жизни вовсе не Глашкой, а... Верховцев задумался, по паспорту имя у горничной было самое обыкновенное, не то Лена, не то Ира, и совсем ей не шло. Кто первый окрестил Лену-Иру Глафирой, Верховцев тоже запомнил, но новое имя прилипло к горничной намертво. Она даже как-то преобразилась, харизма в ней появилась, огонек. Правда, наглеть сразу начала. А в последнее время, пользуясь расположением Лили, и вовсе распоясалась: дерзила и часто забывала, кто в доме хозяин. У Лили, похоже, тоже амнезия случилась – полдень, а она так и не соизволила спуститься и порадовать мужа своим присутствием, подумал он раздраженно и крикнул горничной вслед:

– Лильку разбуди! В столовую попроси ее спуститься. Сколько можно спать! И кофе нам сюда подай с бутербродами, – добавил он заметно тише, с ненавистью глядя на бутфорскую тарелку овсянки, которую ради прикола притащил в столовую Шахновский.

Тарелка с кашей Никиту нервировала. Как ни старался Верховцев приучить себя к здоровому питанию, ничего не получалось. Покушать он очень любил, и не просто покушать, а вкусно и много. Все перечисленные Шахновским блюда, которые Илья забраковал для ужина, Верховцев обожал. Сочная рулька с квашеной капусткой, тающая во рту баранина, молочные поросята, запеченные осетры... Погрузившись мысленно на некоторое время в «страну Гурманию», Верховцев сглотнул слюну, опомнился и нетерпеливо посмотрел на часы.

С тех пор как он отправил Глафиру в спальню своей супруги, прошло уже довольно много времени, а Лиля все никак не спускалась. Вечно ее ждать приходится, барыню-сударыню! В конце концов, и сама могла бы встать пораньше, выдался редкий выходной день, нечасто в последнее время им доводилось побыть вдвоем. Уезжал он из дома рано, приезжал затемно и тут же падал в постель. В свою постель: даже на разговоры сил не оставалось, не то что... Пришлось им временно разъехаться по разным спальням: сон у жены был чутким, от любого шороха она просыпалась, и каждый раз – в дурном настроении. Не просто в дурном, а в ужасном. Пару раз нарвавшись на пробудившегося вместо нежной супруги лютого зверя, Верховцев решил жену больше не тревожить во время сна: он либо ждал, пока Лиля сама распахнет свои синие очи, либо горничную отправлял на побудку, словно грудью – на амбразуру.

Прошло еще десять минут.

– Глафира! – заорал он на весь дом и треснул по столу кулаком. В столовую бочком протиснулась горничная с подносом, на цыпочках подошла к столу, осторожно поставила его перед ним и попятилась к выходу. – Что за хрень ты мне приволокла? – изумился Верховцев: на подносе стояла рюмка с белесой мутной жидкостью и лежал конверт. В помещении резко запахло валерьянкой.

– Read this latter, please,¹ – прошептала Глафира, поклонилась и пулей вылетела из комнаты.

Верховцев ошалело проводил ее взглядом, отметив, что произношение у горничной действительно идеальное, и уставился на белый прямоугольник. Секунду он смотрел на него в замешательстве и вдруг обмяк на стуле и отчетливо услышал стук своего сердца. «Это конец», – подумал он – и не ошибся.

¹ – Прочтите это письмо, пожалуйста (англ.).

Глава 2

Сволочь Шахновский

– Шахновский, сволочь! Ты понимаешь, что случилось?! Она от меня ушла! Лилька, сука, от меня ушла! – Верховцев схватил Илью за грудки и с силой встряхнул его.

– Твою мать, успокойся! Возьми себя в руки! – заорал Шахновский, пытаясь высвободиться из жарких объятий друга.

Верховцев оттолкнул Илью, прошелся по кабинету, уселся за стол, пощелкал выключателем настольной лампы и вдруг с яростью сбил ее со стола кулаком. Она свалилась на пол, разлетелся вдребезги стеклянный абажур, лампочка затрещала и погасла. Шахновский поморщился, выдернул шнур из розетки и покачал головой. Помимо разбитой лампы, на полу валялись книги, бумаги и прочие канцелярские принадлежности. В столовой Верховцев учинил аналогичный кавардак: помещение теперь украшали разбитая посуда, перевернутые стулья, задравший ноги журнальный столик...

– Прости, – неожиданно стих Никита и, обхватив голову руками, скрючился над столом.

– Ничего, бывает, – миролюбиво сказал Илья и присел на стул напротив друга.

– Не понимаю... Я не понимаю, Илья! Как она могла так со мной поступить? Как? Почему?!

– Не гунди ты. Ты уверен, что жена от тебя ушла?

– Ты что, идиот, Шахновский? Она ушла!

– Сам ты идиот! – возмутился друг.

– Я идиот? Это я – идиот? – глаза Верховцева снова налились кровью. – Я все для нее делал, на руках носил, ни в чем отказа она не знала! Лучшие шмотки, лучшие курорты, дорогие украшения, салоны и прочее дерьмо, милое сердцу женщины!

– Я не это...

– погоди! – заорал Никита. – Да, я запретил ей сниматься в рекламе и моделькой на подиумах дефилировать не позволил – не к лицу жене успешного бизнесмена задницей трясти на всю страну! Да, я отговорил ее в школу идти работать после окончания педа, куда она порывалась податься из благих побуждений. Мать Тереза, блин! Мечтала детей учить. Детей! Дебилов разных, которым начхать на все!

– Никита...

– Не перебивай, Шахновский, в табло получишь! Как тогда, помнишь? Помнишь, Шахновский, наше «девство» золотое? А как мы прыгали от восторга, когда какая-нибудь училка болела? Как радовались, сделав очередную подлян-ку? Мы же учителей за людей не считали! Лилька хотела сеять доброе и вечное, энтузиазмом горела, дурында! Только классовую ненависть еще никто не отменял! – зло усмехнулся Никита. – Ее в этой поганой школе и ученики, и учителя загнобили бы. Разве я не прав?

– Прав, – устало кивнул Илья.

– В том-то и дело! Прав! Тысячу раз прав! Мне нужна была жена со здоровой психикой, а не неврастеничка с посаженными связками.

– Пару месяцев поработала бы и бросила, – снова встрял Шахновский, очень сильно рискуя лишиться зубов.

– Так она ведь не возражала, согласилась со мной! – возмутился Никита.

– Согласилась – и с тоски подыхала в твоей золотой клетке, – буркнул Илья.

– Золотой клетке, говоришь? Я ради нее задницу на британский флаг рвал, бабло рубил, чтобы она царицей жила, ни в чем не нуждалась. А она взяла и ушла! Подлая баба! – Верховцев вскочил и начал носиться по комнате с безумным выражением лица.

– А ну сидеть! – сквозь зубы процедил Илья, и далее последовал монолог народного фольклора, характеризующий Никиту Андреевича живописными непечатными определениями с очень нехорошей стороны.

– Что?! – Никита с изумлением посмотрел на друга и сел... в кресло.

Шахновский никогда не позволял себе подобных высказываний, самое страшное ругательство в его лексиконе было – идиот.

– А то, что внезапный уход Лили перед заключением такой важной сделки может быть не случайным. Ты, конечно, козел, но Лили тебя любила – это факт. Короче, ситуация требует детальной проверки. Письмо ее дай сюда, хочу на него взглянуть.

– Письма больше не существует, я его порвал.

– Ключки где?

– В пепельнице. Я их сжег.

– Молодец!

– погоди, Шахновский. Ты хочешь сказать, что Лили могла уйти от меня не по своей воле? Ее вынудили?

– Разберемся, но я бы на твоём месте не особо радовался такому повороту событий, – нахмурился Шахновский и поднялся.

– Ты куда?

– В спальню твоей жены.

– Зачем?

– Спать! – рявкнул Илья и направился к двери.

– А, понял! Ты это, спокойно, Илюша, не нервничай. Я ведь ничего такого... Ты же меня знаешь. А вдруг, если... О нет, это будет полный трендец! – загундосил Никита, последовав за другом.

* * *

Спальня супруги Верховцева представляла собой жалкое зрелище. Все было перевернуто вверх дном, на полу – ворох одежды, обувь, рассыпанные по полу украшения, косметика, разлитые по ковру духи...

– Я же говорил! – поднял указательный палец Шахновский. – Лилю похитили! Вероятно, она сопротивлялась, поэтому тут такой бардак. Не пойму только, почему никто не слышал шума?

– Шум слышали все, – откашлялся Никита. – Это я тут порядок навел... После того, как письмо прочитал.

– В каком состоянии была комната, когда ты сюда вломился?

– В нормальном.

– Постель была разобрана?

– Нет.

– Вещи все на месте?

– Да откуда я знаю, у нее шмоток – вагон! – заорал Верховцев.

– Глафира! – хором завопили друзья.

Горничная испуганно заглянула в комнату.

– Что, под дверь шпионила, стерва? – ехидно поддел ее Никита, отметив, что лицо у Глаши снова помолодело. – Где Лилия? Отвечай!

– Оставь девушку в покое, – неожиданно ласково проворковал друг. – Проходи, Глаша, садись. Поговорить надо. А ты, Верховцев, вали отсюда! – сменил мурлыкающий тон на суровый Илья и вытолкал Никиту за дверь.

* * *

– Все плохо! – вынес вердикт Илья. Никиту он нашел в гостиной. Друг сидел на полу и пил из горлышка виски. Выглядел он вялым и безразличным ко всему.

– Конкретнее, – попросил Никита.

– Судя по всему, Лиля в самом деле тебя бросила. Глашка уверяет, что ты совсем на нее внимания не обращал в последнее время. Лилия переживала, подозревала, что у тебя любовница завелась, и мечтала оторвать тебе яйца, но, видно, нашла другой выход.

– Сука неблагодарная, – буркнул Верховцев.

– Прекрати! Ты давно ей о любви говорил? Давно с ней по душам беседовал? Вы даже спали в разных комнатах! Она же молодая, привлекательная женщина, а ты в упор ее не видел. Полагаю, Лилия решила, что ты больше ее не любишь, поэтому и ушла.

– Ой, меня сейчас стошнит, Шахновский, – скривился Никита. – Иди ты в задницу со своими нравами!

– Харе пить! – Шахновский вырвал у Никиты из рук наполовину опустевшую бутылку виски. – Тебе Лилечку искать и возвращать надо, и срочно, дебил, а не виски хавать. Я уже позвонил одному товарищу, скоро у нас будет распечатка телефонных номеров, куда Лилия звонила перед уходом. Глашка уже ее подруг опрашивает. Вычислим ее, надеюсь. Поедем, ты поговоришь с ней, попросишь вернуться, скажешь, что любишь. Пообещаешь вести себя как пай-мальчик, авось она поверит и вернется.

– Никогда! – рявкнул Никита. – Все кончено, Шахновский. Она сделала свой выбор. Она меня предала. Я могу все, что угодно, простить – но измену!.. Увольте!

– Ну с чего ты взял, что она к другому мужику свалила?

– С чего взял, с того и взял! Она в письме об этом написала. «Прости, я полюбила другого. Не ищи. Будь счастлив!» Вот, блин, будь счастлив! Осчастливила, твою мать!

– Может, и нет никакого другого мужика? Она назло тебе это написала.

– Все, Шахновский! Тема закрыта! Лилию я возвращать не буду. Искать ее не собираюсь. Повторяю: она сделала свой выбор.

– Послушай меня внимательно, Верховцев! Засунь свою гордость знаешь куда? – разозлился Илья. – Мы к этой сделке полгода готовились. Сколько потратили нервов и сил, и теперь, когда остался один шаг до цели, ты хочешь все испоганить? Ты понимаешь, что это – конец всему! – сорвался он на крик. – Не хочешь ехать, я сам к ней отправлюсь! Нельзя все так оставлять! В конце концов, можно попросить ее вернуться всего на пару дней. Уверен, она войдет в твое положение и согласится.

– Отвали от меня, Шахновский! – заорал в ответ Никита и отобрал свою бутылку виски у приятеля. – Не лезь не в свое дело!

– Тогда счастливо оставаться! – Шахновский отвесил ему низкий поклон и понесся к выходу.

– Илья, куда ты? Илья! – растерялся Никита. – Бросаешь меня одного, да? В трудную минуту бросаешь! Сволочь ты, Шахновский! Ну и пошел ты! – кричал он другу вслед, но Илья даже не обернулся.

Во дворе послышалось урчание мотора. Никита подлетел к окну: раритетный раздолбайский 126-й «мерс» цвета детской неожиданности выпуска 1984 года, гордость Шахновского, вылетел за ворота. Выплеснув все свои эмоции в равнодушное пространство, Вер-

ховцев выдохся, лег на пол и, раскинув руки в стороны, невидящим взглядом уставился в потолок.

– А ну вас всех, – буркнул он.

Шахновский, конечно, прав, надо что-то делать: обзванивать знакомых, пытаться разыскать Лилю, умолять ее вернуться. Впрочем, друзей теревить незачем: где Лилечка может еще быть, как не у своего бывшего смазливого мажора Сашки?

– Точно! – Верховцев резко сел и стукнул себя кулаком по лбу. Ведь именно его пижонскую тачку он видел вчера неподалеку от их коттеджного поселка, когда возвращался с работы! Как-то столкнулись они в одном закрытом спортклубе, Никита, к счастью, уезжал, а Сашок прикатил с двумя дамочками. Это его и спасло от починки металлокерамических коронок. Никита скрипнул зубами, в три глотка допил виски и поднялся. – Убью! – нахмутив брови и приняв позу борзого орангутанга, прорычал он и швырнул пустую бутылку в камин.

Глава 3

Плюс на минус

Пролетев с дикой скоростью мимо парочки постов ГИБДД, заплатив на третьем триста баксов отступного и дунув в трубочку, чтобы не лишиться штуки гринов, Шахновский успокоился, сбавил темп движения и попытался еще раз проанализировать сложившуюся ситуацию. Что бы там ни говорила горничная о переживаниях Лили по поводу ее семейной жизни, внезапный уход из дома молодой женщины все равно был подозрителен. В гостях у друга Илья бывал довольно часто, наблюдал взаимоотношения супругов – все было замечательно. Может, он в нюансах семейной жизни – полный тьюфак, но в психологии-то прекрасно разбирается! Ну не верил он, что Лиля разлюбила этого козла Никиту. А раз так, значит, повод был основательным для ее ухода. И, возможно, этот основательный повод лежал у Ильи в джинсовой рубашке. Шахновский залез в нагрудный карман и еще раз посмотрел на бумагу, обнаруженную им в спальне Лилечки. Анализ крови: Лиля недавно сделала его в одном из коммерческих медицинских центров столицы. Бланк поневоле искупался – его облило водой из вазы, которую Верховцев швырнул на пол в порыве праведного гнева, часть информации восстановлению не подлежала, и понять, с какой целью Лиля сдавала кровь, было сложно. Одно ясно – анализ непростой. На стандартный бланк листочек не походил, внизу, словно заключение, стояли три жирных плюсика.

Напрашивался очень неприятный вывод! Как-то в период буйной студенческой юности довелось ему познакомиться с прекрасной феей из общежития, принадлежавшего заводу по изготовлению каучуковых изделий. После нескольких страстных свиданий на скрипучей койке за импровизированной ширмочкой Шахновский однажды ощутил непривычный дискомфорт в штанах, перепугался и метнулся в районный венерологический диспансер, где ему торжественно вручили направление в процедурный кабинет. Когда его карта с вклеенным листком с анализом перекочевала из регистратуры в кабинет доктора, куда в полуобморочном состоянии явился и сам Шахновский, то по лицу врача он сразу понял – дело труба. «У вас три плюсика», – печально известил Илью доктор. Образования ему хватило, чтобы понять: анализ показал положительную реакцию на одну известную французскую болезнь. Илюша с трудом удержал равновесие на стуле и машинально схватился за нос – на всякий пожарный случай, чтобы тот вдруг не отвалился. Нос крепко держался на лице, но Шахновский все равно принял ужасное решение: утопиться в Москве-реке, дабы избежать позора и долгого лечения. В этот момент доктор еще раз взглянул в карту, переспросил его фамилию, смущенно откашлялся и отправил сестру в регистратуру. Выяснилось, что в карту случайно вклеили результаты чужого анализа. Когда сестра вернулась и доктор зачитал Илье новый приговор, Шахновский с облегчением вздохнул: оказалось, что девица из общаги наградила его всего лишь банальной гонореей. Подумаешь, какие мелочи... Шахновский вышел из диспансера предельно счастливым и направил свои стопы вместо набережной в ближайшую аптеку. Мир вокруг сиял и переливался разноцветными красками, а сердце пело голосом Макара: «Все отболит, и мудрый говорит – каждый костер когда-то догорит. Ветер золу развеет без следа...»

А что почувствовала Лиля, когда получила на руки свой анализ? И главное, что означают эти три плюсика? Неужели Лиля... Нет! Шахновский тряхнул головой. Даже предположить невозможно, что жена друга могла сходить налево и подхватить от кого-то дурную болезнь. А если это Никита ее осчастливил?.. Шахновский резко тормознул, схватил содовой, набрал номер друга и тут же раздраженно нажал отбой. Бред! Никита не изменял Лиле, не мог он, не мог! Он, конечно, не святоша, но верность жене хранил. К тому же и некогда

ему было на сторону гулять: последние несколько месяцев Никита Андреевич Верховцев трахался исключительно с документами на тендер. Что же означали эти три плюсика?

В левом верхнем углу бланка стоял логотип медцентра «Галилей». Располагался он на проспекте Мира, куда после некоторых раздумий и направил свой автомобиль Илья. Чувствовал он себя немножко идиотом, даже, можно сказать, «множко». Неприятно это – совать свой нос в интимные дела друзей. Другое дело, проверять людей посторонних и копаться в их грязном белье, на этот счет у Шахновского была своя мораль. Он всегда мечтал стать частным детективом, с детства, с того самого момента, как в руки ему попал томик собранных сочинений Агаты Кристи, обернутый в пожелтевшую газету «Известия». Книгу Илья одолжил на пару дней у милой белобрысой девочки – одноклассницы, в которую он был безответно влюблен. Девочка была всерьез увлечена английской писательницей, поэтому к чтению ее произведения Илюша отнесся с трепетным волнением: страсть как хотелось заглянуть в иной мир, так захвативший предмет его поклонения. Не успел Илья погрузиться в сложный узор изящных интриг, как в его комнату заявила бабуля, книгу конфисковала и, торжественно вручив внуку роман Достоевского «Преступление и наказание», заявила, что ему нужно духовно развиваться, а не забивать себе голову всякой ерундой. Потом она уволокла эту ерунду в гостиную, нацепила пенсне и уселась с книгой в кресло-качалку. Своеобразная у него была бабуля! Насчет духовного развития спорить с ней было бесполезно, Шахновский и не спорил, но разозлился до чертей, за ночь духовно обогатился и утром предстал перед бабулей с красными воспаленными глазами и хмурым выражением лица. Мысли его были до того оголены, что бабушка без труда их прочитала, поинтересовалась, почему он топорик с собой не захватил, хихикнула и отдала старушку Агату обратно. Так началось его близкое знакомство с неподражаемым Эркюлем Пуаро. Вся Кристи была прочитана взмахом и насквозь. Затем в его библиотеке появились Диккенс, Чейз, Конан Дойл, Честертон и другие мастера логических головоломок – бабушка исхитрилась и подарила ему на день рождения целую подборку подобных книг.

Интерес его к детективному жанру постепенно сошел на нет. Началась перестройка, и на голову посыпался золотой дождь из ранее запретных книг. Илья увлекся литературой другого рода, но Эркюль Пуаро завоевал сердце Шахновского навсегда. На последнем курсе юрфака МГУ, куда он поступил не по велению сердца, а по настоянию практичной бабули, Илья всерьез задумался, не заняться ли ему частным сыском, и планировал открыть свое детективное агентство. Он чувствовал, что аналитика – его призвание. Дядька, двоюродный брат матери, отличный мужик, бывший кагэбэшник Феликс Зелинский, помог Илье пристроиться в одну конторку, чтобы племянник смог постичь специфику этой работы изнутри. В свое время из-за созвучия его имени и фамилии с именем главного чекиста страны над дядей часто подшучивали коллеги. Дядя бесился, но терпел: как-то неловко было бы ему возмущаться из-за того, что его сравнивают с Железным Феликсом. Но однажды терпению дяди наступил предел. Феликс сорвался, причем в самый неподходящий момент, и набил морду одному важному полкану, решившему пошутить с ним на тему его имени. Полкан лишился двух передних зубов и получил сотрясение мозга, но дело возбуждать не стали, замяли: все могло обернуться против самого полковника за его шуточки над идиолом и символом КГБ. Однако карьера Зелинского пошла под откос, его перестали поощрять: поручали самую грязную работу и понизили в звании. Феликс, преданный своему делу до печеночных коликов, оскорбился и вышел в отставку. Приспособиться к новой жизни оказалось непросто. Сначала Зелинский работал в ВОХРе, после перестройки стал подрабатывать в службах безопасности коммерческих структур, но нигде надолго не задерживался, тосковал по прежней работе и частенько срывался в глухой запой.

Не прошло и двух месяцев, как Шахновский тоже затосковал на своем новом поприще. Все оказалось совсем не так, как он воображал, – банально: слезка за неверными женами

и мужьями, поиск пропавших собачек – ни тебе романтизма, ни возможности для работы мозговых извилин. Нет, это было не для него, но совсем отказаться от юношеской мечты Илья не мог, слишком глубоко она пустила корни в его душу. Шахновский крепко задумался, и вскоре на свет появилась «Истина», где в специфике работы особого романтизма тоже не имелось, но зато мозгам скучать не приходилось. Особенно первое время, когда Илья Шахновский свою контору раскручивал. В очередной раз помог дядька: с его подачи удалось набрать великолепных профессионалов в штат. Со своей стороны, Илья вложил в развитие дела массу креативных идей и привлек клиентов. Сейчас уже все работало по четко отлаженному механизму, с секретаршами вот только ему категорически не везло: беременели, как крольчихи. Илья в толк взять не мог, как это так получается, он предпочитал безопасный секс и всегда предохранялся, а они все равно ухитрялись залететь. В остальном все было замечательно, он без напряжения такие дела прокручивал, что сам Эркюль мог бы ему позавидовать. Однако поисками внезапно исчезнувших чужих жен ему еще не доводилось заниматься. Поэтому Илья и чувствовал себя некомфортно. Но что делать! Ясно как божий день: Никита пальцем не пошевелит, чтобы спасти сделку, дебил! Расквасился, как протухший творог, а потом локти себе будет кусать, ворчал Илья. За семейную жизнь друга Шахновский тоже переживал, но отчего-то он был уверен, что Лилия и Никита рано или поздно обязательно выяснят отношения и вновь сойдутся. Скорее – поздно, потому что к тому моменту время будет упущено и скорый поезд с миллионами уедет далеко-далеко. Конечно же, в этом Никита обвинит Лилию, сразу после их счастливого воссоединения и нового медового месяца. Семейная жизнь у них снова разладится. В итоге Верховцев останется в тройном минусе: без бабы, без денег и без друга. Без друга, потому что когда Никита поймет, как плохи его дела, то спустит на Илью всех собак и обвинит его в том, что друг мозги ему вовремя не вправил, переживал Шахновский, подруливая к медицинскому центру.

Он припарковался у аккуратного крылечка с латунной табличкой на двери. Повезло: несмотря на выходной день, клиника работала. Илья глубоко вздохнул и распахнул дверь.

Уютный стерильный холл, светлые кожаные кресла и диванчики, цветы, бордовые ковровые дорожки на полу, на стенах картины, молоденькая блондинистая администраторша в окошке – все очень мило, но Шахновского вдруг охватило волнение: страшно было выяснить нелицеприятную правду о жене друга.

Девушка приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте! – широко улыбнулся в ответ Илюша, вполне искренне: к блондинкам он питал патологическую страсть, в отличие от Верховцева.

– Добрый день. Что желаете? – мурлыкнула в окошко девушка, заправив прядку волос за ушко. Почему-то многие девушки обожают этот жест – заправлять за ушко прядки волос, отметил Илья. А мужчины обожают, когда девушки этот жест демонстрируют. Во всяком случае, лично он обожает. А когда за ушко заправляют прядки такие нимфы...

– Понимаете, какое дело, – смущенно сообщил Шахновский, усилием воли прервав поток своих порочных мыслей. – Мне надо анализ один сдать.

– Очень хорошо, – кивнула девушка.

«Ничего хорошего», – подумал Илья и продолжил:

– Мне знакомые посоветовали в ваш центр обратиться. Сказали, что только у вас на это анализы сдают.

– Ну? На что сдавать собираетесь? – поторопила его администратор и сразу Шахновскому разонравилась. Ну не любил он все эти «ну» и «гну»...

– Мне надо сдать анализ вот на это, – Илья сунул в окошко бланк. – На то же самое, и срочно.

Девушка, не сводя с него ясных голубых глаз и кокетливо улыбаясь, взяла двумя пальчиками листок и взглянула в него. Улыбка с ее лица тут же сползла.

– Вы шо, мужчина, издеваетесь? – рявкнула нимфа.

– А шо такое? – мило передразнил девицу Илья и состроил непонимающую физиономию.

– На беременность анализы у мужчин мы не принимаем! – металлическим голосом сообщила девица. – Идите в соседнее медицинское учреждение.

– Там принимают? – проблеял Илья.

– Ага, в психушке принимают все и всех, – сообщила девушка, сунула ему бланк в руки и демонстративно захлопнула окно.

Шахновский еще раз взглянул в анализ и попятился к выходу. Мать честная, вот тебе и французская болезнь! Лилечка беременна! Почему же она тогда от Никиты ушла? Зачем? Куда? Женщины, оказавшиеся в интересном положении, конечно, ведут себя довольно своеобразно, понять их логику иной раз просто невозможно: буйство гормонов, в голову им стукнуть может все, что угодно, но чтобы такой экстравагантный поступок совершить – свалить во время беременности от мужа к другому мужику? Данные выкрутасы девичьего мозга Шахновский даже проанализировать не мог, лишь на уровне подкорки мелькнула нехорошая мысль: Лилечка ушла от Никиты, потому что вовсе не он являлся будущим отцом ее ребенка! В эту гипотезу верить категорически не хотелось, и Шахновский решил повременить с выводами до тех пор, пока он не соберет дополнительную информацию.

В кармане завибрировал сотовый. Звонила взволнованная Глафира. Перед тем как отбыть из дома Верховцева, Илья поручил ей опросить всех Лилиных подруг. Возможно, подруги Лилечку покрывали, но, по словам Глафиры, никто не знал, где может находиться жена Никиты в данный момент. Однако горничная волновалась совсем по другому поводу. Докушав бутылку виски, Верховцев сел на своего железного коня и отбыл в неизвестном направлении, сунув напоследок кулаком в глаз садовнику Петровичу, который пытался удерживать хозяина от совершения необдуманных шагов. Куда и зачем он умотал, Глаша не знала, но, судя по выражению его лица, намерения у Никитушки были явно нехорошие.

– Черт, похоже, он Лилечку нашел, – выругался Илья, испытывая угрызения совести: зря он оставил Верховцева одного в невменяемом состоянии, очень зря! Он ведь как дите малое, никакой гибкости – прет напролом по жизни.

Сотовый Никиты не отвечал. Шахновский набрал номер знакомого, чтобы поторопить его с информацией о телефонных номерах, по которым жена Никиты звонила, и о тех, с которых перед ее исчезновением звонили ей. Получив нужную информацию, он выругался еще раз. Среди звонивших Лиле проявился некий Александр Зимин – бывший Лилечкин ухажер. Шахновский помнил дуэль Зимина и Верховцева из-за Лили и как Никита потом вправлял себе челюсть, потому что Сашок явился на мужской разговор не один – трусло и хитрован, от такого можно все, что угодно, ожидать. Хуже, однако, было другое: Саша числился двоюродным племянником главного конкурента Верховцева по будущей сделке – бизнесмена Андрея Калистратова, до настоящего момента не выбывшего из игры. Шахновский это выяснил, когда информацию о конкурентах собирал, но Никиту в известность ставить не стал – атмосфера и без того накалилась до предела, а прямого отношения к делу сей открывшийся факт не имел. Выходило, что Илья ошибся: Калистратов затеял нечестную игру, и давно, срок у Лилечки был небольшим, недели две, но ведь не сразу же она залетела! Умен, чертяга, заранее спрогнозировал ситуацию, племяшку подключил, чтобы разладить семейную жизнь Никиты, выбить его из колеи и таким образом сорвать сделку! Как же он это проглядел, переживал Илья. Пропустил такой конкретный нокаут в самое слабое место, нож в спину! Служба безопасности Верховцева тоже все проморгала, следили, чтобы с шефом ничего не случилось, отслеживали инфу о возможном покушении, тщательно проверяли всех сотрудников, чтобы не было утечки информации, а Лилия в это время прямо под носом у мужа копала ему яму. Замечательно! Правда, вряд ли она в курсе, что подставила Никите двойную

подножку, не тот она человек, чтобы подлости совершать. Лиля скорее человек импульса, она горячая и эмоциональная, но никак не гнусная стерва. Несмотря на мужскую солидарность, Лилечку Илье отчего-то было жаль, чисто по-человечески. Бедная баба, о счастье и любви мечтала, а ее вовлекли в грязную аферу. Каково ей будет узнать, что ее воздыхатель кучу денег огреб за увод жены Никиты из семьи! Урод голимый! В довершение всего еще и обрюхатил девчонку. Разве ушла бы Лиля к нему, если бы была беременна от Никиты? Как все просто оказалось и как пошло. «И женщины те, что могли быть как сестры, крадут ядом рабочую плоскость ногтей...» – вспомнились вдруг слова из песни группы «Аквариум». Настроение упало ниже плинтуса, Шахновский врубил на полную диск любимого БГ и нажал на газ. Надежда, что он придет раньше Верховцева на место будущих разборок, была очень слабой. Никита гонял по Москве с такой скоростью, что даже гибэдэдэшники не успевали реагировать, но все же Илья надеялся застать хоть кого-то в живых.

Александр Зимин проживал у станции метро «Кропоткинская», недалеко от ресторана «Нью-Васюки». «До чего же дебильное название выбрали для ресторана», – подумал Илья, подъезжая к нужному дому, ассоциаций с культовой книгой Ильфа и Петрова у Шахновского почему-то не возникало, мозг переключивало на другую тему: новых русских Васьков. Как-то они здесь были с Никитой. Другу, напротив, название ресторана пришлось по душе, поэтому он Илью сюда и притащил. Шахновский пошел нехотя и полвечера бухтел, уговаривая Верховцева перебраться в кафе «Кризис жанра», где атмосфера была более неформальной. В «Кризис жанра» они так и не попали, обожрались «рогами и копытами» и «золотым теленком» (блюда в меню так и назывались) и приросли попами к стульям: кухня в ресторане оказалась отменной. Верховцев вышел довольный, как слон, а Шахновский все же так до конца и не проникся симпатией к заведению. Но у них с Никитой по жизни были вкусы разные на все – на женщин, на еду, музыку, литературу... Литературу – это сильно сказано, Верховцев книг вообще не читал, за исключением тех, которые пришлось изучить в школе. Никита читал лишь газеты, биржевые сводки и финансовые отчеты, но мог поговорить на любые темы. Откуда он информацию ловил – для Шахновского это было загадкой. Илья за свою жизнь столько энциклопедий проштудировал, столько словарей просмотрел, столько специальной и художественной литературы проглотил, чтобы стать культурным, образованным человеком, а Верховцев без всяких словарей слыл эрудитом. Шахновский даже в какой-то мере Никите завидовал: знания прилипали к Никите без малейших усилий с его стороны, вот только он своим «багажом» не пользовался и как был в школе идиотом, так на всю жизнь им и остался! – разозлился Илья, заметив у одного из подъездов «Харлей Дэвидсон» Верховцева.

Шахновский воткнул «мерс» в тесные ряды припаркованных на стоянке машин и направился к подъезду, по пути тормознув у мотоцикла. Не все так безнадежно, подумал Илья: двигатель был горячим. Выходит, прибыл Верховцев на место минут пять-семь тому назад. А раз позаботился о сохранности мотоцикла, значит, он был относительно вменяем. Очевидно, поездка на бешеной скорости голову-то ему проветрила, отрезвила мужика хоть немножко, что тоже внушало оптимизм.

Шахновский приободрился и проскользнул в парадное вместе с миловидной полной блондинкой. Дама держала на руках жирную несчастную таксу, явно измученную пешей прогулкой по двору. Хозяйка псинки тоже выглядела измученной, видно, поэтому проявлять бдительность не стала, пустила Илью в кабинку без проблем, в лифте посмотрела сквозь него и бесцветным голосом поинтересовалась, на какой ему этаж. Вышла сама на четвертом. Шахновский – на шестом.

На лестничной клетке было подозрительно тихо, ни громких голов, ни грохота от падающих на пол тел и мебели, ни звона разбитой посуды. Илья озадаченно припал ухом к кожаной обивке двери – тишина. Шахновский позвонил, в этот момент дверь распахнулась и кто-

то за шиворот втащил его внутрь квартиры. В прихожей стоял Никита и шикал, прижимая палец к губам. Даже в полумраке было видно, как он бледен.

– Что случилось? – шепотом спросил Шахновский, заглянул другу за плечо и понял все без объяснений. – Твою мать, опоздал! – выругался Илья и стек по стенке вниз.

На полу гостиной в неестественной позе лежал бывший бойфренд Лили и невидящими глазами пялился в потолок. Во лбу его зияла аккуратная дырочка, вокруг головы растеклась темная лужа, в ней валялся эксклюзивный пистолет «ТТ», украшенный золотом, серебром и камнями. Этот пистолет, искусно выполненную имитацию оружия, подаренного властями одному из лидеров бывших союзных республик, Шахновский, будучи в Киргизии, сделал по спецзаказу у знакомого мастера-оружейника и презентовал Никите на тридцатилетний юбилей. Очень ему хотелось сделать другу приятное. Через границу оружие перевез знакомый дипломат, никаких проблем не возникло. Золото и серебро, конечно, были далеко не высшей пробы, а камни – всего лишь искусственными рубинами и бриллиантами, но Верховцев пришел от подарка в неописуемый восторг. И теперь предмет этого восторга валялся в луже крови рядом с трупом любовника жены и одновременно племянника главного конкурента Верховцева.

Глава 4

Подарок для любимой тещи

Жизнь, конечно, иногда преподносит сюрпризы, но к подобному подарку судьбы Шахновский был совершенно не готов. Мозг его скукожился до размера грецкого ореха, усох и отказался функционировать.

– Илья, я не убивал этого ублюдка! – протянул к нему руки Верховцев. Выглядело это театрально и неестественно, словно Никита роль в школьной постановке играл, но ужас на лице друга отражался вполне натуральный.

– О мертвых плохо не говорят, – заторможенно сказал Шахновский.

– Я не убивал этого... – Верховцев скривил лицо и долго пытался подобрать нужное определение, корчась, словно в предсмертной судороге. – Этого... – ткнув пальцем в труп, тупо закончил свою мысль Никита, так и не подобрав нужного эпитета.

– Угу, он сам из твоего пистолета застрелился, – кивнул Илья.

– Да, блин! – нервно пожал плечами Никита. Что означало на языке гоблинов, коим являлся для Шахновского в настоящий момент Верховцев, примерно следующее: «Я сам в полной растерянности и не понимаю, как это могло произойти».

– Да-а-а, бли-и-ин! – недовольно протянул и Илья, что означало: «Какой же ты, Верховцев, мудака, вечно влипаешь в истории. Хотя бы иногда надо думать головой, а не задницей! Что теперь делать прикажешь, дебил?»

– Не смотри ты на меня, как на дауна! – возмутился Никита. – Рассказываю, как дело было. Когда ты уехал, я вспомнил, что видел вчера машину этого... – Никита вновь указал на труп. – Короче, видел я его машину недалеко от нашего коттеджного поселка и понял, куда Лилечка наострила лыжи. Разозлился я сильно, позвонил знакомому байкеру, он с этим типом в контакте, но меня тоже уважает. Тот мне сказал, где Сашок живет в настоящий момент. Он ему вещи помогал перевозить на новую квартиру. Я сел на «Харлея» и помчался сюда. Приехал, в дверь позвонил, никто не открывает. Ну, я ногой по двери как захреначил, она открылась и... вот, – обвел рукой пространство вокруг себя Никита.

Илья собрался с духом, подошел к трупу и потрогал запястье.

– Он мертвый! Оставь его руку в покое! – разозлился Никита.

– Теплый еще, но, думаю, убили его часа два-три тому назад, – кивнул Шахновский. – Если градусником температуру трупа измерить, то время смерти точнее можно определить.

– Кошмар! – зажмурился Верховцев, вероятно живописно представив себе сию процедуру. – Слушай, так это меняет дело, – оживился он. – У нас есть доказательства, что мы тут ни при чем. Время смерти! Два часа тому назад мы были у меня дома, и это могут подтвердить свидетели.

– Детективов по телику насмотрелся, – хмыкнул Илья. – Я же говорю: приблизительно... А точно тебе ни один эксперт не скажет. Это только в фильмах такие чудеса случаются, когда время смерти до минуты определяют. В реальной жизни, если свидетелей акта убийства нет, а тело обнаружено не сразу, а спустя какое-то время, то определить точный момент смерти нереально – разница в сроках может легко составить два-три часа. Правда, выход есть: немедленно позвонить в ментуру и все им честно рассказать, пока тело не остыло.

– Я вижу, ты тоже детективов насмотрелся. Сашу Зимина грохнули из моего пистолета. Я нахожусь в его квартире. Все улики против меня, и мотив замечательный – он любовник моей жены. Менты будут счастливы!

– Значит, Лили здесь не оказалось? – на всякий случай уточнил Шахновский.

– Нет, но это она его шлепнула, дура несчастная! Она грохнула Зими́на из моего пистолета и слиняла. Ладно бы просто прикончила его, и все, но зачем она меня подставила? На пистолете мое имя выгравировано и наверняка отпечатки пальцев присутствуют. Она же не идиотка, должна была это понимать, когда пистоль здесь бросила.

– погоди ты выводы делать. Может, это кто-то другой? – неуверенно предположил Шахновский.

– Смотри, что я обнаружил в прихожей. – Никита вытащил из кармана скомканный оранжевый цветок лилейника. – Это «Хайэ энд Файр» – редчайший образец чисто оранжевого цвета, весьма трудно достижимого у лилейников. Получил наивысшую оценку на каком-то конкурсе и звание «Ценный садовый сорт»! Лилка очень им гордится, налюбоваться не может и иногда прикалывает к волосам. А теперь смотри сюда: за один лепесток зацепился длинный черный волос, слегка выющийся, – это ее волос, Шахновский! Пистоль в сейфе лежал, а код от сейфа только она знала и я – мы классный код придумали, день, месяц и год нашего бракосочетания.

– Оригиналы, – с сарказмом заметил Илья.

– Что делать-то теперь? – не обратив внимания на ехидство друга, спросил Никита. – Что делать, Шахновский? У него в башке – мои инициалы! – ткнув пальцем в тело, сообщил Верховцев. – Какого хрена, Шахновский, ты пули для пистолета тоже именными сделал?

– Совсем ты, как я вижу, батенька, оупел! Посмотри, сколько кровищи натекло. Она что, по-твоему, из ушей вытекла? Пуля навывлет прошла! Найдем ее сейчас, не дрейфь, и гильзу тоже.

– Правда оупел. Вообще ничего не соображаю, – с облегчением вздохнул Никита.

– Не радуйся, – успокоил Верховцева Илья, – этот парень, по имеющимся у меня данным, – любимый племянник Федора Калистратова.

– Е-мое! – охнул Верховцев и потер грудь в районе сердца.

Калистратов в прошлом был криминальным авторитетом, деньги свои заработал на крови, сколько трупов было на его совести, страшно даже представить. Затем Калистратов отмыл свои миллионы, завел легальное дело и присмирел, но лишь отчасти, по-прежнему не гнушаясь решать бизнес-разногласия криминальным способом.

– Ну, Лилечка и отмочила! – взвыл Никита. – Она не просто меня подставила, а под эшафот подвела! Мне конец! Калистратов мне этого не простит, и умирать я буду, в отличие от его племянника, долго и мучительно. Как думаешь, где Зимин может хранить инструменты?

– Какие еще инструменты? – охнул Илья, нарисовав воображаемую живописную картину – как Никита отпиливает мальцу голову, руки и ноги. Шахновскому окончательно поплохело. – Сумку лучше найди большую или чемодан вместительный, – сдерживая рвотные спазмы, посоветовал он. – А я пока поищу ведро и швабру.

Никита кивнул и бросился в спальню. Шахновский, кое-как стряхнув оцепенение, направился наводить ревизию в кухне. Вернулся Илья с несколькими большими пластиковыми пакетами для мусора и рулоном клейкой ленты. Верховцев притащил в комнату вместо сумки сложенную картонную коробку из-под стиральной машины. Зимин переехал в эту квартиру недавно. Коробку разложили, прикинули, влезет ли туда труп, решили – если умело его разместить, в позе мумии ацтеков, то влезет. Молча занялись упаковкой тела в полиэтилен, положили труп в коробку, обмотали ее клейкой лентой. О моральной стороне дела Илья старался не думать, но на душе было скверно. Одно худо-бедно успокаивало его совесть: что к смерти этого мальчика они не причастны.

– Поезжай, «Харлей» отгони подальше и возвращайся, – сухо сказал Шахновский. – А я пока квартиру в порядок приведу и гильзу с пулей поищу. Надеюсь, менты или Калистра-

тов за это время сюда не заявятся. Постарайся побыстрее, но не гони, не привлекай к себе внимания, – попросил Илья, аккуратно положив пистолет в пакет.

– А пистолет? – уточнил Никита. – Утопить его?

– Нет, пистолет мы пока придержим. Прежде чем от него избавляться, его проверить надо. Дядьке его отвезу, он все сделает. На оружии могут быть нестертые отпечатки.

– Ага, мои или Лилькины! Ты что, Лильку хочешь посадить? Не позволю, Шахновский! Лиля все еще моя жена, и неважно, что она натворила. Я сам с ней разберусь. Это наше с ней личное дело. Дай сюда пистолет! – Никита вновь начал заводиться.

– Никого я не собираюсь сажать! – разозлился Шахновский. – Вдруг это не Лиля? Такая мысль в твою тупую голову приходила? В этом случае пистолет может оказаться единственным доказательством ее невиновности. И твоей тоже! А теперь послушай меня внимательно, Верховцев! Еще один наезд в мою сторону, еще одно возражение – и я устраниюсь, будешь сам выпутываться, понял? Я устал, а ты меня нервируешь! Вали отсюда, иначе я за себя не ручаюсь. – Илья сделал страшное лицо и потряс в воздухе пакетом с пистолетом.

Верховцев тенью проскользнул к двери и осторожно закрыл ее снаружи. Илья запер ее на «собачку», вернулся в комнату и тяжело опустился на диван. Гостиная медленно погружалась в сумрак, следовало поторопиться: включать свет нельзя, а убираться в темноте и искать улики тяжело, следы, опять же, можно оставить. Усилием воли взяв себя в руки, Шахновский ухватился за швабру и услышал звонок в дверь. По всем расчетам, Верховцев никак не мог съездить домой и вернуться. Посетитель позвонил еще раз. Мелодичная трель звонка словно прошла сквозь сердце, на лбу у Ильи выступили бисеринки пота.

– Сашка! – послышался капризный женский голос. – Открывай, урод, я знаю, что ты дома!

Илья на цыпочках подошел к двери и припал к глазку. На лестничной клетке стояла разъяренная рыжая девица в состоянии легкого подпития. Вероятно, бывшая подружка Зимина. Только этого им не хватало для полного счастья!

«Уйди отсюда, милая, ради бога, – мысленно умолял ее Илья. – Уйди, а то я за себя не ручаюсь!»

Но девица уходить не собиралась.

– Открывай, разговор есть! Иначе дяде расскажу, кто твоя любовница! Ты сейчас с ней, да? – девушка расхохоталась. – Дядя так переживает за конкурс, а ты с его конкурентами отираешься! Представь, как он обрадуется, когда узнает! Он вышвырнет тебя из своей жизни на фиг! – завопила она на всю лестничную клетку.

«Сестра», – пришел к выводу Шахновский. Конечно, как же он сразу ее не узнал – ведь она явилась тогда поглазеть на разборки своего братца с Никитой из-за Лили. Подъехала на серебристой «Ауди ТТ» в компании с другом Зимина. Другу она явно была в тягость, он такую рожу соорудил, подавая ей руку! Его можно было понять – Женечка Зимина, в отличие от брата, Саши, красавицей отнюдь не была. Худенькая невысокая барышня, очки, мелкий бисер рыжих волос, собранных в узел на затылке, острый нос, узкие губы – злой галчонок в шмотках от кутюр. Похоже, не слишком она братца любила, предположил Илья, молясь, чтобы девица немедленно испарилась. Это не действовало. Рыжая кошелка дооралась до того, что переполошила соседей – дверь одной квартиры распахнулась, и на лестничную клетку выползла недовольная бабуся аристократической наружности, в пеньюаре и с папильотками на голове. Сестрица выкрикнула еще парочку ругательств в адрес брата, смачно плюнула на половичок, лежавший у его двери, и поплелась к лифту. Пожилая дама несколько минут топталась на лестничной клетке, поглядывая в сторону квартиры Зимина, и наконец исчезла в недрах своих апартаментов, громко шибанув дверь о косяк. Шахновский с облегчением вздохнул и вытер пот со лба – опасность миновала.

Верховцев вернулся быстрее, чем Илья ожидал, пол даже не успел до конца просохнуть, но гильза и пуля уже лежали в полиэтиленовом пакете вместе с пистолетом.

На улице окончательно стемнело. Друзья протерли все поверхности, на которых могли остаться их отпечатки, и потащили коробку к двери. Повезло: в подъезде им никто не встретился, и они благополучно спустили тело Зими́на на грузовом лифте. Илья подогна́л машину вплотную к подъезду, открыл багажник.

– Елки-мотылялки, не закрывается! – выругался Верховцев. – Что делать, Илья? Вынимать его?

– Спокойно, мы возе́м стиральную машину на дачу, – судорожно фиксируя незакрытый багажник веревкой, заявил позеленевший Илья.

– Как клошары, – переко́силсЯ Никита.

– Не нравится – не ешь, – огрызнулся Шахновский.

В сторону Кольцевой они рванули в состоянии истерики. Вскоре впереди замаячил пост ГИБДД.

– Будут тормозить – проезжай! – посоветовал Верховцев.

– Накаркал, блин! – заметив полосатую палочку и хмурую физиономию стража дорожного порядка, процедил Илья и нажал на тормоз.

– Ты что делаешь, козел! Проезжай, не останавливайся! – шаря ногами по полу и пытаясь со всей силы надавить педаль газа, запаниковал Никита, мешая Илье своими копытами.

– Молчать и улыбаться! – гаркнул Шахновский, припарковался и выскочил из салона.

Сотрудник ГИБДД представился, принял у него документы, подошел к багажнику.

– Что там? – поинтересовался он.

– Подарок для тещи. Машина стиральная, последняя модель, дорогая, сволочь, – гордо сообщил Илья.

– Для тещи? – мент насторожился.

– Ага, мне для нее, родимой, ничего не жалко, лишь бы она пореже в Москву припиралась. Повади́лась, понимаешь, шмотье свое ко мне таскать баулами! Трусняк и лифчики парашютами везде развесит, а пока они сохнут, теща мне нотации читает – ну никакой жизни! – эмоционально выкрикнул Илья и кивнул на Верховцева. – Сантехника вот с собой прихватил, чтобы подключил машинку к местному водопроводу.

– Поезжайте, – махнул рукой дорожный страж, мгновенно подобрев.

Илья плюхнулся на сиденье, завел машину и ватной ногой надавил на газ. Когда они отъехали от поста на несколько десятков метров, он шумно выдохнул и покосился на Никиту: тот сидел, словно статуя, с деби́льной улыбкой и отсутствующим взглядом.

– Можно отмереть, – разрешил Шахновский и чувствительно пихнул Никиту в плечо кулаком, потому что товарищ не отреагировал на его слова.

– М-дя, – крикнул Верховцев и вытер рукавом пот со лба.

Решили больше не рисковать: закопать труп в ближайшей от города лесополосе, благо у Ильи имелась в наличии саперная лопатка, которую он возил с собой на всякий пожарный случай. У Ильи в машине всегда имелось много полезных и нужных вещей. Сказалось пагубное влияние Жюль Верна – до увлечения детективами Шахновский успел переболеть приключенческими романами и даже в возрасте восьми с половиной лет удрал из дома, чтобы совершить кругосветное путешествие. Бабушка вовремя отловила его на Ленинградском вокзале, углядев в комнате внука записку с телефоном справочной и пометками о расписаниях поездов дальнего следования, разбитую копилку-кошечку и верно истолковав отсутствие кое-каких продуктов в холодильнике.

Съехали с шоссе на проселочную дорогу, припарковали машину в кустах, углубились в лес. Вырыли яму, предварительно аккуратно сняв дерн, закопали тело, сверху вновь уложили

дерн, закидали могилу ветками, коробку сожгли чуть подальше от места захоронения. В Москву вернулись другим путем. Илья подкинул Никиту до въезда в коттеджный поселок.

– Ладно, пусть земля будет пухом Александру Зимину, – вдруг с сочувствием сказал Верховцев. – Не хотел бы я, чтобы меня так похоронили, как собаку.

– Да уж, приятного мало, – согласился Илья. – Но что делать, этот печальный случай из серии «не рой яму другому». Теперь совершенно ясно, что именно с подачи Калистратова Лиля от тебя ушла. Я уверен: Саша Зимин не случайно вертелся подле нее, он по природе своей трус и не стал бы крутить роман с твоей женой, даже если бы испытывал к ней сильные чувства. Значит, это происки конкурентов. Зимину просто денег много заплатили. Как это ни печально, ухаживание пацана упало на благодатную почву. Ты был так увлечен тендером, что забыл про жену. Тут явился Сашенька, бывший поклонник, принялся дуть Лильке в уши слова о любви, окружил ее заботой и вниманием. Ну и, сам понимаешь... – Шахновский смущенно откашлялся. Рассказывать Никите о беременности Лили он не стал, чтобы окончательно Верховцева не добить.

Никита долго молчал, переваривая информацию.

– Муха навозная, – наконец сквозь зубы процедил он. – Правильно Лилька его шлепнула! Только все равно непонятно. Раз она так повелась на его ласки – почему пристрелила? – строить версии относительно смерти любовника жены и вообще говорить на эту тему Никите было очень тяжело, выражение лица его стало таким, словно у него заболели все зубы разом.

– Возможно, она узнала, что Зимин с ней в нечестную игру сыграл, и вспылила, – предположил Шахновский.

– А записка? В ней было сказано, что Лиля полюбила другого и поэтому уходит от меня. Она ушла – и прихватила с собой пистолет! Зачем? Где логика? Не понимаю.

– Логика? Какая, на хрен, у женщины может быть логика! Ты меня удивляешь, Никита. Всеми поступками баб гормоны движут, импульсы и чувства. Еще у них есть такое качество, называемое чувством вины. Накрывает их частенько это дело, иначе они давно уже всех мужиков перестреляли бы. Ушла Лиля, скорее всего, потому, что обманывать тебя больше не могла. Все бабы, изменив, от чувства вины страдают и мучаются. Не то, что мы.

– Я бы попросил не обобщать! – возмутился Верховцев. – Я Лильке не изменял, даже когда мы в бане с девочками парились, и когда я в Таиланд без нее ездил, и когда ко мне в спортивном клубе девки отпадные подкатывали.

– Да знаю я, ты чист и непорочен. Не об этом речь... Возможно, Лиля, когда записку свою писала, догадалась, что Саша Зимин ее обманывал, поэтому и пистолет с собой прихватила. Может, убивать его она не хотела, взяла, чтобы припугнуть и выяснить истину, а вышло сам знаешь что.

– Почему же написала, что полюбила другого? – разозлился Никита. – Почему не разлюбила, если знала, что Зимин – козел!

– Потому что любовь – зла! – мило улыбнулся Илья, с трудом удерживаясь, чтобы не дополнить это высказывание народной мудростью про те же грабли, на которые Лилечка дважды наступила.

– Мне плохо, Илья, – тихо сказал Верховцев.

– Знаю. Ты, это, держись, друг. Надо жить дальше, другого ничего не остается. Даю установку, – бодро сказал Шахновский. – Завтра ты встаешь пораньше, обсуждаешь с поварихой меню, помнишь наш разговор, да? Закупаешь продукты, начинаешь готовиться к семейному ужину, ведешь себя естественно, словно ничего не случилось. Не переживай, Никита, мы эту сделку заключим, никуда она от нас не денется. А Калистратов пусть сам застрелится от злости.

– Какая, на фиг, сделка, Шахновский! Какой семейный ужин? Лиля ушла! Нет у меня больше жены, а без нее никак нельзя. Бессмысленно. Все бессмысленно...

– Расслабься, все будет пучком, – подмигнул ему Илья. – Вылезай, нам выспаться надо, завтра будет очень тяжелый день.

Никита, бурча себе под нос ругательства, вышел из машины. Шахновский махнул ему рукой и порулил в сторону дома. Настроение улучшилось, тяжесть, лежавшая на сердце мертвым грузом, исчезла. Илья искренне верил, что все будет хорошо. Завтра с утра он начнет основательные поиски Лили, куда она не денется. Единственная сложность, что никого из сотрудников привлекать к делу нельзя. Не дай бог, случится утечка информации, и тогда все, что он задумал, полетит к чертям. В спецслужбы и к ментам тоже нельзя обращаться – опасно, учитывая, что именно жена друга натворила. Остается только дядька. Феликс – единственный человек, которому можно доверять. Собственно, никто Илье больше и не требуется. Зелинский – настоящий профи, с его помощью можно горы свернуть, не то что дурную, заблудившуюся в собственных проблемах бабу отыскать.

Пистолет жег поясницу огнем. Илья запихнул его за пояс брюк еще в квартире Зимина и прикрыл рубашкой. Хотелось от него поскорее избавиться, не дожидаясь утра. Илья посмотрел на часы: время было позднее, но дядька страдал бессонницей и частенько бодрствовал по ночам. Шахновский, неоднократно видевший помятую и опухшую от недосыпа, недовольную физиономию Феликса, разрешил ему приходить на работу во второй половине дня. В любом случае с утра от Зелинского толку не было никакого, единственное, что он мог, – играть с компьютером в покер и матюгаться на весь офис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.